

Людмила Прошак

Северный волк

Историческая повесть

Людмила Прошак

Северный волк.
Историческая повесть

«Издательские решения»

Прошак Л.

Северный волк. Историческая повесть / Л. Прошак —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855272-4

История — удивительнейшее путешествие по жизни! Выдумываются лишь истории, а настоящая История создаётся. Её нельзя переделать, переписать, её можно только продолжить... Это второе, дополненное, издание. Первое вышло 5-тысячным тиражом в 2002 году. По-прежнему в книге иллюстрации А. Бескровного, фото на обложке из личного архива Ю. А. Спиридонова.

ISBN 978-5-44-855272-4

© Прошак Л.
© Издательские решения

Содержание

Послесловие	6
2010	6
I. Глава о Главе	8
1. 2009	8
2. 1997	9
3. 1997	15
II. Стефановская площадь	21
1. 1992—1997	21
2. 1379—1396	24
3. 1918—2001	42
III. Истинные сибиряки	46
1. 1968—1998	46
2. 1491—1649	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Северный волк

Историческая повесть

Людмила Прошак

Юрию Алексеевичу Спиридонову, Человеку-Путеводителю¹

Корректор Борис Соколов

Иллюстратор Аксентий Бескровный

© Людмила Прошак, 2018

© Аксентий Бескровный, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-5272-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы живём, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца всё ещё освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам всё труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступивших сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с её кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За её пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение – людей будущего.

Питирим Сорокин

Я – лошадь, везущая воз в одиночку, не приспособленная ни для работы в тандеме, ни для совместного группового труда, поскольку я слишком хорошо знаю: чтобы достичь определённую цель, думать и командовать должен непременно только один человек.

Альберт Эйнштейн

Послесловие вместо предисловия

2010

...Последняя земная ночь Стефанова прошла в том самом соборе, который он успел вернуть – полвека спустя после уничтожения – на великопермскую землю, не истратив на то ни единой государственной или церковной копейки. Собор, как и диагностический центр, был построен накануне выборов, поставивших точку в карьере Стефанова как Главы Республики Коми. Впрочем, сам он называл это просто работой.

И вот теперь Стефанова вынесли из построенного его стараниями собора под погребальный звон.

Первым печально издал младенчески тонкий, высокий звук меньшей из колоколов. Неспешно отозвался второй по размеру и гласу, затем, сообразно человеческой зрелости и возмужалости, ударил следующий, за ним еще, пока не дошел черед до самого большого и мощного... Каждый колокол ударил по разу, а потом качнулись скорбно все вместе, ибо пресеклась земная жизнь...

На кладбище священник (из-за бороды и рясы немногие узнали в нем предпринимателя, отошедшего от дел лет семь назад) пел печальным, густым басом, кадило раскачивалось с размеренностью метронома.

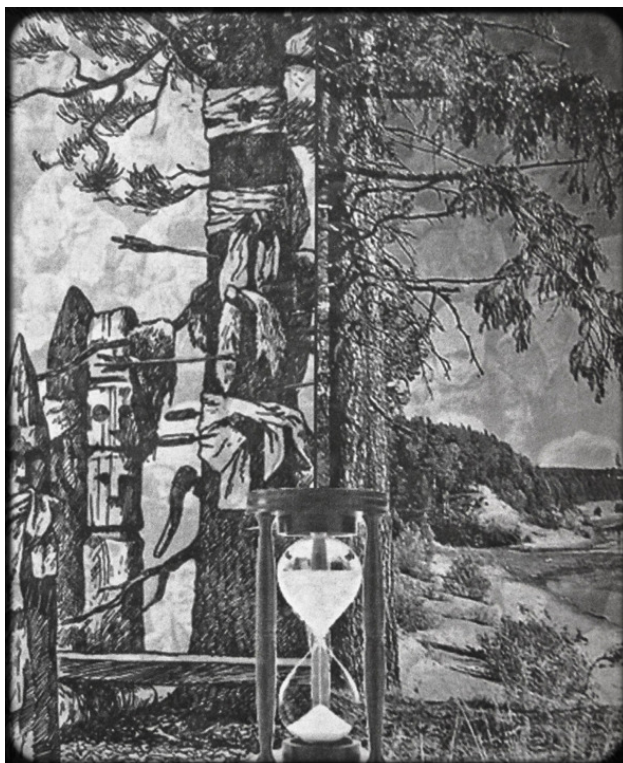
«Господи, упокой душу усопшаго раба Твоего Федора, в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и въздыхание...»

Вдруг оборвал себя едва ли не на полуслове.

– Думаете, я раба Божиего отпеваю? Я с другом прощаюсь! Он – Батя, а я перед ним – батюшка... Мы все знаем, что умрём. Вы все будете здесь, – рукой, сжимающей крест, указал на свежевырытую могилу. – Ни за какими «мигалками», ни за какими деньгами не спрячетесь! Вот как надо умирать! Как Батя... Ничего перед смертью не попросил, только священника. Я был последним, кому он руку пожал... Извините, если что не так сказал...

Смешался, смолк. Но уже мгновение спустя кадило закачалось в такт тысячелетним словам.

«Всякое согрешение, содеянное им словом, или делом, или помышлением, яко благий человеколюбец Бог, прости, яко несть человек, иже жив будет и не согрешит. Ты бо Един кроме греха, правда Твоя правда во веки, и слово Твое истина...»

І. Глава о Главе
О моем Герое, который не нуждался
в имидже, и о Времени, которое движется
по кругу час за часом, век за веком

1. 2009

Человек почувствовал на себе взгляд зверя. Странно одеревенели шея, плечи и руки, сжимавшие карабин. Стефанов начал медленно описывать глазами круг в безбрежном море тайги... Он не доверял увиденному, но верил своему чувству. Оно не могло подвести и на этот раз. Стефанову доводилось встречаться взглядом с разным зверьем. Этой осенью он едва ли не каждую охоту натыкался на лосёнка: пара коричневых влажных глаз и ноги, как четыре спички. Уже давно не виделись – вырос, наверное...

Стефанов продолжал описывать глазами круг. Зверь где-то рядом... Взгляд обогнул поваленную сосну, стал шерстить густой ельник. Есть! Из укрытия смотрели два волчьих глаза. Стефанов прищурился, как прицелился. Зверь подобрался под его взглядом, словно перед прыжком.

Человек и волк смотрели в расширенные, остановившиеся зрачки друг друга. Зверь почувствовал, как его затягивает в чёрный колодец человеческого взгляда, и первым отвёл глаза.
– То-то, – усмехнулся про себя Стефанов, – в тайге со мной лучше не встречаться.

2. 1997

В пиар-агентстве «ДомИНо» мне обрадовались, как родной. «ДомИНо» – Дом Информационных Новаций. Но мы – имиджмейкеры, психологи, социологи, журналисты – между собой называли его просто «домино», не столько из-за самой аббревиатуры, сколько из-за черно-белого характера занятий. Хотите чёрный пиар? – Пжалста! Белый? – Нет проблем. Словом, всё как в той самой табличке, которая красовалась на столе генерального директора агентства Лёвочки Окуня: «У вас есть деньги? Мы вам поможем!». Последний раз я работала вместе с «доминошниками» года два назад.

Тогдашняя компания была смешной, бестолковой и очень денежной. Депутат Госдумы Салтыков заказал выборы «под ключ» и отказался ехать в регион: «Я вам столько заплачу, что смогу стать губернатором и не покидая Москвы». Пока я разглядывала плохо растущие усы кандидата и его слабый подбородок, наше руководство – Лёвочка Окунь и Инна Щиголева – созерцало колонки цифр в только что утвержденной клиентом смете. Во взглядах читалось: «Клиент богат до невменяемости, берём стопроцентную предоплату и делаем всё, что скажет, но шансов на победу нет». Хотя не всё так просто.

Оказалось, что в Салтыкове нуждаемся не только мы. «Вы на него, как на человека конечного, не смотрите, – предупредил нас Лёвочка, – из Белого дома звонили, беспокоятся, и очень просили расстараться!». Но, разумеется, надрывались мы не слишком. Компанию столичного кандидата вели тоже из Москвы, рука об руку с круглым, как колобок, помощником молодого, да раннего вице-премьера, отрядившего наблюдать за ходом компании ещё и американских имиджмейкеров-консультантов.

– Каждый не использованный для агитации день оборачивается потерей одной десятой процента голосов, – в первое своё появление провозгласил их босс Майкл, оторвавшись от блокнотика с калькулятором. – Мы потеряли уже три процента!

Майкл появлялся в «ДомИНо» с изнуряющей периодичностью: раз в три дня, ровно в семнадцать, с калькулятором наготове. Сосредоточенно кивающий Лёвочка, на все готовый безбородый кандидат и их взыскательный иностранный босс запирались втроем в кабинете. Изредка к ним присоединялся кругленький помощник вице-премьера. После очередного такого совещания ко мне примчалась радостно взволнованная психологиня:

– Майкл решил добавить клиенту мужественности. Гениально, да? Надо, чтобы с клиентом рядом была женщина, – продолжила психологиня с клиническим спокойствием. – Ты.

Я поперхнулась. Тут в дверях появился Майкл:

– Forget it! I can't talk him into it².

– Sorry! – «сокрушённо» качаю головой. – Very sorry!

Пора было сматываться, дабы «и невинность соблудить, и капитал приобрести». Как будто такое возможно! Но тем не менее, я забила себе нишу: «Давайте-ка я лучше буду мочить его конкурентов. Наверняка, найдется за что. А вы уж тут без меня над его мужественностью трудитесь...» Я зачастила в регион, и однажды меня подвела нелюбовь к лифту – на лестнице в гостинице скучали двое молчаливых мужчин. Помахав перед носом красными корочками, они вытащили из моего портфеля ноутбук, но не тронули деньги и документы. Старший вкрасиво спросил: «Хотите, я вам билет до Москвы забронирую, но не позже, чем на завтра, а ещё лучше – на сегодня?» Кто они были, эти двое? Да кто их разберёт, если в наше время бандиты «косят» под агентов, а последние не гнушаются походить на бандитов.

...Однажды, вернувшись из командировки, я включила телевизор и попала akurat на вечерний выпуск новостей. В кадре – накрытый простынею труп. И голос диктора: «В пол-

² Забудь об этом! Я не могу уговорить его (англ.).

день убит депутат Госдумы Салтыков, следствие считает это преступление заказным убийством, связанным с бизнесом погибшего». На экране промелькнул портрет моего бывшего клиента и снова сменился стоп-кадром мёртвого тела. Из-под простыни выглядывали жёлтые ботинки, казавшиеся очень большими. Наверно, всё дело в ракурсе...

И вот сейчас «доминошники», угробив едва ли не месяц на то, чтобы разыскать мою скромную персону в бесконечных командировках, пытались заинтриговать меня «новым потрясающим предложением».

– Тебе ведь интересно в дебрях Севера побывать, – убеждала Инна, сама вырывавшаяся за пределы Садового кольца, как и её шеф, лишь за тем, чтобы слетать куда-нибудь на Багамы или в Париж. – Тут один нефтяной магнат попросил нас поучаствовать в выборной компании, в поддержку действующего руководителя.

Инна сделала паузу, чтобы я успела туда вставить междометие, выражающее если не восторг, то любопытство. Не дождалась. Лёва кивнул Инне, мол, хватит, и продолжил, но уже в тональности «всё хорошо, прекрасная маркиза»:

– Заказ перспективный, только у Стефанова этого характер хреновый, он ничьей помощи принимать не хочет. Говорит, глава республики – не сникерс, поэтому никакой рекламы...

– А! – не вытерпела я. – Это должно сработать. Его «едят»?

– Вот-вот, – оживился Лёва, гражданин с двойным американо-российским гражданством, – мы и решили, что если кого туда посылать, так только тебя с твоим «распрекрасным» характером. Мы тебе билет на самолет заказали, ноутбук приготовили, номер в гостинице забронировали...

– Пли-и-з!.. – с придыханием простонала Инна. – Клиент, нефтяник этот, такие «бабки» отвалить может!

...Магнат оказался кудрявым румяным бутузом (есть такая категория мужчин, которые умудряются и в сорок пять выглядеть на пять... лет). Угнездившись в тесном кресле эконом-класса (другого нет), на лету спешит ввести в курс дела:

– Суди сама: два с половиной процента территории России хранят богатства в недрах на одиннадцать триллионов долларов – сто годовых российских бюджетов. Глава у них – настоящий северный волк, потрясающий мужик. Ну, и ещё, чтобы про героя ясно было, есть такой анекдот. Кто в Коми родился, но в Коми не живёт и в Коми не умрёт – тот коми-коммивояжер. А кто в Коми не родился, но в Коми живёт и в Коми умрёт – тот коми-камикадзе. Ну вот, Стефанов родился в Сибири, а в Коми живёт тридцать три года... Твой герой – камикадзе...

– Ну, так уж и герой!

...Мы примкнули к кавалькаде машин, подруливших во двор недостроенной школы. В затормозившей у крыльца передней «Волге» рывком открылась дверца. Из машины вырвался коренастый седой мужчина в пиджаке нараспашку. Воротник рубашки под галстуком расстегнут, носки ботинок – явно недешёвых! – в свежих царапинах и строительной пыли.

– Это и есть Герой? – спрашиваю у провожатого.

Тот кивает, как под гипнозом. Это же заворожённо оцепенелое напряжение на лицах окружения. Худенькая, как вобла, женщина метнулась к Стефанову, протягивает папку, что-то тихо объясняет. Он вдруг начинает рычать:

– Не подсовывайте мне это! Я не продаюсь ни за голоса, ни за что другое!

«Вобла» замкнуто улыбается. Взъерошенный Стефанов ходит взад-вперед по школе, которую надо было бы ввести еще три года назад. Помощник юлой крутится:

– Фёдор Тимофеевич, вы на встречу опаздываете уже на двадцать пять минут.

...Нефтяные короли в честь главы республики закатали банкет – всевозможная снедь, батареи бутылок. Стефанов сел – одна рука на коленке, другая локтем на столе, очки примо-

стились на седом чубе – и продержал всех впроголодь два часа над обзорной схемой месторождений нефти, а потом выдал на всю катушку:

– С вашей подачи корреспондент подходила ко мне: мол, если вы отнимете лицензии у тех-то, за вас проголосуют те и эти. Я большего унижения не испытывал! Вместо того чтобы голоса считать, лучше загляните в школу и предложите свои услуги. Помощь эта стоит не дороже ведра нефти, а вы её цистернами отсюда вывозите! Стыдобушка! Позовите сюда эту девочку-корреспондента, пусть послушает и посмотрит, как понаехали в маленькую нефтяную столицу воротилы, воронами набросившиеся на бюджет. – А потом прицельно, к хозяину банкета – президенту совместного предприятия: «Майкл, у вас в США бывают тесты на лояльность?»

Чисто выбритый, блестящий, как стёклышко, американец улыбается, демонстрируя знание русского языка:

– Я думаю, нет нужды...

– Конечно, – соглашается Стефанов, – но это вы у себя все тесты уже прошли, а мы ещё только начинаем. Школа может рассчитывать на компьютерный класс в подарок от компании?

Легкое замешательство, но Главе отказывать неловко...

– Когда это нужно?

– Ещё вчера, – ответил Стефанов. Выпил бокал минералки, съел тарелку борща и поехал дальше, к строителям.

...На сцене стол для президиума, красная скатерть, микрофоны. Стефанов отказывается туда идти:

– Далеко, как на трибуне мавзолея.

Стол переносят в зал. Глава ведёт совещание, а в проходе копошится фотокор, подбираясь всё ближе. Стефанов останавливает его взглядом и невозмутимо советует:

– Присядьте, пожалуйста. Я издаю лучше смотрюсь.

Говорят с мест. Стефанов слушает, мнёт ладонью нос, щёки, подбородок, губы – вот-вот скомкает и уронит, как маску, в усталом раздумье. Задаёт один неудобный вопрос, другой, третий... Разочарованно откидывается на спинку стула:

– Слушай, хотел из тебя героя сделать – не получилось!

«Мой магнат» ёрзает в неудобном скрипучем креслице и, видя, что совещание подходит к концу, шепчет мне на ухо:

– Давай иди, договаривайся, как работать будете, да и лети дальше с ним. Я же к себе на работу поеду, а то я тут у тебя самый высокооплачиваемый охранник.

– А ты нас не можешь познакомить?

– Нет, – он смотрит на Стефанова и ежится, – ты сама...

– Вот уж не уверена, – ворчу, продвигаясь к герою.

Тот молча наблюдает. «Ага, – думаю, – ему тоже интересно, ещё бы, я тут целый день глаза мозолю. Ну-ну, сейчас посмотрим, ху из ху». Представляюсь. Он по-прежнему молчит. Чтобы заполнить паузу, говорю, что, мол, поговорить бы надо с глазу на глаз.

– Когда вам удобнее, – спрашиваю, – сейчас или вечером?

– Конечно, вечером, – хмыкает он, – я с женщинами поближе к ночи беседы веду. Перед сном, на часика так полтора, да?

Стою и не знаю, что и думать: бабник он, что ли? Вокруг ухмыляются мужики. Деваться некуда, не изображать же оскорбленную добродетель.

– А чего так слабо? – спрашиваю, – Давайте уж до утра!

– Нет, – степенно качает головой, – до утра я уже не смогу.

– Хм, – с облегчением фыркаю, – чего ж тогда предлагаете?

Герой припечатывает меня взглядом, как сургучной печатью. Затем совершенно официальным тоном произносит:

– Завтра в моём кабинете, в двенадцать, у вас в распоряжении двадцать минут, – и поворачивается ко мне широкой спиной.

На следующее утро купила местные газеты:

«Инфицированных СПИДом уже готовят к этапу на Печору. Запоздалая реакция властей республики и общественности вряд ли сможет повлиять на оформленное приказом решение руководства МВД России...»

Если бы я вчера не была в Печоре и не знала, как на самом деле обстоит дело, то тоже взволновалась бы, да ещё как. Вчера Стефанову предлагали поучаствовать в акции протеста, он отказался:

– У меня столько причин для недовольства, что я был бы вынужден бастовать двадцать четыре часа в сутки. А работать когда?

Митинг состоялся без Стефанова. Его ругали там за всё, и за «чуму XX века» тоже. А он в это самое время – своими ушами слышала! – вёл разговор с заместителем начальника Главного управления исполнения наказаний МВД. Ну что Стефанову стоило выйти к митингующим и сказать: мол, так и так, тут вот генерал прилетел в Печору по поручению премьера России, у которого я до этого побывал. Ведь уже вчера было ясно: никого к этапу не готовят. Приказ приостановлен, но припозднились газеты. Случайно или нарочно? Надо бы и об этом с героем поговорить: популизм – это ведь не обязательно плохо, надо время от времени к нему прибегать, как к испытанному средству.

Но и беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что никакого разговора у нас не получится. Стоило мне нарисоваться на пороге кабинета, как Стефанов, едва кивнув в ответ на мое приветствие, отвернулся к селектору и ткнул в какую-то кнопку:

– Пресс-секретаря ко мне!

Повисла пауза... Стефанов, развалившись, сидит в своем кресле, как в качалке. Нас разделяет огромный письменный стол, рядом с которым он указал мне на низкое, повернутое боком, креслице. Герой молчит, потому что ждёт пресс-секретаря. Я молчу, потому что яснее ясного, что он меня слушать не станет. Не хочет. Появился запыхавшийся пресс-секретарь, и Стефанов зарычал:

– Почему сразу с ней не пришёл?

Мудрый пресс-секретарь молчит.

– Садись и записывай.

– Фёдор Тимофеевич, – говорю, стараясь придать голосу спокойную небрежность, – я на троих соображать не умею.

Пресс-секретарь приподнимается...

– Сидеть! – раздаётся команда, и тот замирает.

Стефанов прищуривается и выстреливает в меня фразой:

– Или будет так, как я сказал, или никак!

Вот в это верю. Встаю, радуясь, что теперь я смотрю на него сверху вниз и выпаливаю:

– Тогда никак!

Разворачиваюсь и ухожу, слыша, как громко стукнула дубовая дверь за моей спиной. Ну это лишнее, хлопать дверью, честное слово, не хотела.

«Мой магнат», которому ради очистки совести позвонила уже из Москвы, едва не стонет в трубку.

– О-ох, что ж он делает, что ж творит!

И часа не прошло – снова звонок:

– Стефанов завтра в Москву прилетает утренним рейсом, ты встреть его в Шереметьево, пожалуйста.

– С какой это стати!?! – я просто задохнулась от возмущения. – Может, цветочки ему преподнести!?

– А что, – тут же с готовностью подхватил «мой магнат», – букет я передам тебе с шофёром. Или сама выбери, я деньги верну. Тебе по какому адресу машину завтра прислать?

– Послушай, с какой такой радости я должна его встречать?

– Как с какой? Тебе с ним работать не один день.

...С утра пораньше я – уж, конечно, без цветов! – стояла у окна VIP-зала и наблюдала, как к только что приземлившемуся самолету пристыковывали трап.

Спустя минут десять в дверях показался Герой. К нему сразу бросились мужики с папками, на ходу шелестя бумагами. Мы встретились глазами. Ни тени позавчерашней враждебности. Он протянул руку. Молча то ли поздоровались, то ли помирились. По глазам вижу, ждёт, что скажу. Может, думает, извиняться стану.

– Вот что, – говорю, глядя ему куда-то в плечо, – если уж так случилось, что нам каких-то несчастных два месяца вместе работать придется, давайте уж как-то потерпим друг друга.

«Ну, – думаю, – сейчас зарычит». А он словно и не слышал:

– На этой неделе у меня поездка в Питер, вам там делать нечего, со вторника я в Любимой республике.

...Самолет приземлился в столице северного края, и я, терзаемая нехорошими предчувствиями, спустилась по трапу.

– Здравствуйте, женщина в чёрном!

Я огляделась вокруг. Никого, кроме меня, в черном не было. Реплика чиновника, которого я от силы видела раза два во время поездок героя, адресовалась явно мне. Ну, не то чтобы я такая уж леди, но фамильярность меня покорила. Едва кивнув, я прошествовала мимо.

– Женщина в чёрном! Здравствуйте! – раздалось за моей спиной вновь. Похоже, это опять ко мне. Обернулась – пресс-секретарь Стефанова.

– А, так вы ничего не знаете, – обрадовался он, прочитав на моём лице недоумение. – Ну, едемте на работу, там я вам дам почитать, что про вас пишут наши газеты.

...Первую полосу газеты «Ровесник Октября» украшал снимок, на котором были запечатлены двое: я и Герой.

Справедливости ради надо отметить, что я получилась лучше: на фотографии я пристально смотрела на него, а он, судя по открытому рту и насупленным бровям, кому-то устраивал разнос, а скорее всего, просто-напросто таким образом выражал своё отношение ко мне.

Заметка, предварявшаяся рубрикой «По слухам и достоверно», была снабжена многословным заголовком: «Рядом со Стефановым появилась «женщина в чёрном». Ну-ну!.. Остальное можно не читать.

– Нет-нет, вы читайте, – закивал доброжелательный пресс-секретарь, придвигая ко мне газету вновь.

Делать нечего, я прочитала:

«Наблюдательные читатели заметили, что в окружении главы в последнее время появилось новое лицо. Женское, что само по себе интригует (представительниц прекрасного пола рядом со Стефановым не так много, и их имена и должности известны всем). К тому же молва быстро окрестила незнакомку, сопровождавшую главу в последних поездках, как „женщину в черном“. Присутствовала она и на заседаниях последней сессии Госсовета. „Это что, новый помощник или имиджмейкер?“ – спрашивают читатели. Кое-кто отметил даже присутствие у незнакомки „сильной энергетики“, которая явно „подпитывает“ лидера республики...»

Разумеется, под всем этим скромная подпись: «Наш корр.». Сказать по совести, бывает, что я не питаю особой любви к «братьям и сестрам» по перу, а уж в этом случае...

- Он этого не читал? – спросила я пресс-секретаря со слабой надеждой.
 - Читал, – кивнул он безжалостно, – ещё как читал!
 - И что сказал? – наивно поинтересовалась я.
- Пресс-секретарь ничего не ответил, но глаза его округлились.

3. 1997

И помчались дни – сумасшедшие, до краёв наполненные его делами, поездками, встречами. Он вникал, разбирался, успокаивал других и нервничал сам – работал. А я стояла у него за спиной и тоже работала – строчила в блокнот. Но наши человеческие отношения по-прежнему не складывались. Он то и дело срывал на мне свое раздражение. Может быть, просто потому, что была ближе всех – стояла у него за спиной, как говорил охранник, «на линии огня». Потому меня с завидным постоянством посещала лишь одна мысль: «Всё, уезжаю! И плевать на деньги! С меня хватит!». А потом был день, когда я увидела его таким, какой он есть. Абсолютно случайно. Это было в одном портовом городе. Чиновное сословие недоумевало:

– Куда он сейчас едет? На кладбище?!

Стефанов ходил среди могил, злился, что не может отыскать нужную. Была годовщина смерти директора ГРЭС, которого застрелили на рабочем месте. Это я потом узнала, а тогда недоумевала вместе со всеми. Всезнающие помощники ничем помочь не могли: не намечен маршрут. А над кладбищем почему-то завис вертолет, он нарезал в небе круг за кругом, словно прощался и никак не мог проститься. Внизу маленькие и грустные люди стояли у двух свежерырытых могил. Хоронили вертолётчиков-контрактников, разбившихся в небе Африки. Чужое горе, чужая смерть. Можно было бы пройти мимо. А он подошел и встал рядом. Люди расступились, пропуская его вперед.

«Если в республике что-то происходит – в ответе я...» Тогда Стефанов не говорил этих слов. Это по другому поводу и при других обстоятельствах. А тогда он просто тихо ушел, огибая заросли. Вот здесь мы с ним и столкнулись. Я-то все время у него за спиной была, а тут – лицом к лицу. Близко так. Мы застали друг друга врасплох. В его глазах стояли слезы. Ну и у меня тоже. Глянули друг на друга и отпрянули.

В столицу республики вернулись, а мои «доминошники» всю деятельность сворачивают. Из-за денег: мало! Ну а мне после того, каким я Героя нечаянно увидела, как уехать? Я осталась и простояла за его спиной целую вечность. Промелькнуло краткое северное лето. Обрушилась и прошла золотисто-синяя осень. Легла белоснежная зима. Мне нужно было уезжать навсегда. А я продолжала стоять. Почему? Что я ещё надеялась увидеть и понять?

Стефанов прилетал вечерним рейсом из Москвы, чтобы утром, сменив самолет на вертолёт или джип, мчаться дальше. Мелькали, как в калейдоскопе, города, поселки, села. Сменяли, набегая, перехлёстывая друг друга, волны любви, ярости, отчаяния, требовательности. Стефанов с его неприкрытой неприязнью к трибуне, президиуму, микрофону – ему, по-моему, вообще наплевать, как он выглядит? – разруливал проблемы. Они, наслаиваясь, громоздились, как льдины в заторе: отрасли, инвестиции, финансовые потоки, программы выживания и развития... Я никак не могла понять, как у него укладывается в голове все то, что никак не хочет уместиться у меня в блокноте. Он говорил на равных (не свысока – на это много ума не надо!), а именно на равных с геологами, лесниками, буровиками, шахтёрами, учёными, санитарками, лётчиками, генеральными директорами. «С Главы республики спрос за всё – от ГРЭС до ночных горшков...» Это он сам так решил, взвалив на себя груз ответственности и вины.

Шахтёры, спускавшиеся в ночную лаву, яростно требовали вернуть долги по зарплате:

– Вы приехали, потому что мы вам нужны, а потом уедете – что, нам к плакату обращаться, который вон там висит!?

– Да сорви ты его! – рубил рукой воздух Стефанов.

– Федор Тимофеевич, – успокаивало его окружение, – это же шахтёры...

– Да они же правы, хотя и горло дерут. Что ж я, как чурка бесчувственная стоять буду!

А на следующий день вертолёт, подгоняемый ветром, летел к нефтяникам, которых тоже уже начинало лихорадить. Но здесь Стефанов купался в океане любви (ведь их город строил и он!). Глотая подступивший к горлу комок, хмуро ронял:

– Всё равно я вас люблю больше, чем вы меня.

Я видела его среди сильных мира сего. Герой вел себя с ними, как равный, привычно и просто, не шакала и не лизоблюдствуя. На многочленном совещании член Российского правительства путался в словах. Герой поспешал ему на помощь, терпеливо подсказывая:

– Владимир Степанович хотел сказать, что...

Тот имел вид барина, откушивающего взбитые сливки, а у Стефанова было серое от усталости лицо, обветренные, в кровь истрескавшиеся губы. Оба – ровесники...

В правительственном самолёте Стефанов незаметно для самого себя задремал, сидя напротив вице-премьера. Тот по-восточному невозмутимо философствовал, глядя на спящего:

– Я родился на высоте двух тысяч метров и отлично знаю, что когда человек поднимается в гору, подъём рано или поздно кончается, надо быть готовым к спуску, – и кивок в сторону спящего. – Он всегда берёт на себя больше положенного, сохраняя при этом мужскую позицию. Дай Стефанову чуть шире пространство, как бы он развернулся! Орёл в полете не спит, а волк, готовясь к схватке, во сне копит силы...

Банкир самого крупного частного банка Франции, в глубине души не переставая удивляться происходящему, обменивался со Стефановым верительными грамотами:

– Не требуя гарантий от Правительства России, я счастлив серьёзной возможностью предоставить валютный кредит напрямую. Прогрессивный руководитель – лучшая гарантия. По пальцам можно пересчитать регионы, где возможны такие инвестиции.

Стефанов прищурился, как прицелился:

– Европа ещё не подозревает, что она начинается с Коми...

Я видела его среди детей. Стефанов и с ними вел себя как равный, без напускного панибратства и фальшивого сюсюканья. В министерстве образования его за глаза и в глаза называли «Главный инспектор просвещения», в Минздраве – «Главный врач». Лесть была правдой.

Да, он приезжал в детский дом, читал плакат «У нас ходят только в тапочках!», снимал ботинки и шёл в носках. Да, он заходил в плохо протопленный класс, видел легко одетых первоклашек и мчался напрямик к окну закрывать форточку. Это была привычка, выработанная частыми посещениями садов, интернатов, школ, Гимназии искусств. Он скрывал нежность под напускной иронией:

– Свежие идеи только от стажеров и услышишь...

Но ещё чаще я видела его среди чиновного сословия, директорского корпуса. Нефтяники, угольщики, газовики, авиаторы, дорожники, аграрии, строители... Стефанов и здесь говорил каждому «ты». Доверительно и пытливо одним, нетерпеливо и требовательно другим, насмешливо и едко третьим, грубо и непримиримо четвёртым. Шахтёрское прошлое выпирало из него неудобными, острыми углами. Он выпячивал грудь, засовывал руки в карманы брюк и, налегая на голосовые связки, привыкшие перекрывать гул вентилятора в шахте, устраивал разнос:

– Отцы-генералы, вы вопросы решаете, только когда я приезжаю?!

Школа партийных наказаний и горняцкий мат. Он сам через это прошёл, а теперь пропускал других. В нещадном, выматывающем темпе. И меня тоже?

Однажды я решила кое-что «исправить», раз уж я вроде как при нём. Да и надо же зарплату отрабатывать, которую «мой магнат» выплачивал мне, едва не плача. Днём раньше очередную порцию денег я «выколачивала» из него в кабинете банкира Гневушева. Тому надоело наблюдать за тем, как его приятель хлопает себя по карманам:

– Ты же любому охраннику в десять раз больше платишь!

«Мой магнат», сделав страшные глаза, молниеносно выхватил из-за пазухи заготовленный конверт:

– Мне некогда, я спешу!

Ну вот. И теперь я решила эти деньги во что бы то ни стало отработать. После очередной встречи с электоратом (Стефанов терпеть не мог этого выражения: «Столько новых слов, что не знаешь, человек ты или кто») я его окликнула:

– Фёдор Тимофеевич.

Он, не поворачиваясь, искоса поймал меня в поле зрения и, удостоверившись, что это действительно я, скривился.

– За двадцать четыре минуты выступления вы семнадцать раз сказали слово... – я почти не ругаюсь, но тут вопрос принципиальный, и я отчетливо произнесла: – ТРЯМ!³

– Ну да? Семнадцать раз? Не может быть, ТРЯМ!

Спустя полчаса Герой стоял у микрофона уже в другом зале, но тоже до отказа заполненном людьми. Я сидела в первом ряду и, не поднимая головы, строчила в блокнот. Он развернул записку, прочитал. Поджав губы, кивнул:

– Тут вопрос, как столбовой доклад... Это не молва, это правда, что к Стефанову на прием не пробиться. Для чиновника должно быть счастьем то, что человек к нему обратился. Так нет же. Он, чиновник этот, думает: я этот вопрос не решу, а Стефанов перегружен. Легче отказать. Оно, чванство это чиновное, залезает в организм республики, и, как скарабей, отсидится зиму, а солнышко пригреет – опять пахнет...

Я оторвалась от блокнота, потому что повисла пауза. Люди слушают, а Стефанов молчит, сжимая в кулаке микрофон, и с ненавистью смотрит на меня. И я вдруг с ужасом понимаю, что ему не хватает слов, чтобы выразить то, что он сейчас переживает к чванству чиновному, потому смотрит на меня с отвращением: мол, вот сидит, зараза, делать ей больше нечего, слова считает. Зал внимает. Всё превратилось во внимание и слух, а Стефанов молчит... Вздыхает... И оглушительным шёпотом роняет в микрофон:

– ТРЯМ!

Я закрываю лицо руками и торжественно клянусь себе НИКОГДА НИЧЕГО не пытаться исправить. Герой прав: никакого имиджа, никакой рекламы... Аминь! С меня хватит.

Один из его ближайшего окружения как-то раз задумчиво сказал, глядя ему вслед:

– Иногда мне кажется, что Стефанов оторвался на льдине. Один... Но система координат у него есть. Может, она меняется, но она есть...

А мне всё чаще стало казаться, что мы бежим по огромному заснеженному полю. Синий снег. Предраассветное небо. Вожак спешит, торит широкой грудью дорогу среди глубоких сугробов. Ему некогда оглядываться, насколько отстала и увязла в снегу его стая. А поскольку меня интересовал именно вожак, я вынуждена была бежать за ним, след в след. Только бы не отстать, чтобы успеть увидеть, услышать, понять. Я бессовестно маячила за спиной моего Героя. Иногда он все-таки оглядывался и по-волчьи щерился:

– Навязалась на мою голову!

Я огрызалась, обижаясь и злясь в душе, но пуще всего на свете боялась отстать. Мелькали дни... Сегодня герой разрезал красную ленточку на открытии кардиологического центра, построенного по последнему слову науки ошарашенными турками: «В России такими темпами строился разве что Храм Лужка-Спасителя в Москве!». Завтра переправлялся на пароме в дальнее село. Если не успеть летом по реке уголь и муку подвезти, то придется в нужде дожидаться, пока мороз наладит путь по зимнику. Если не укрепить берег, то весеннее половодье смоем крайние избы. Послезавтра закладывал камень будущего памятника жертвам политических репрессий и снова с головой нырял в неотложные хозяйственные заботы. Он всё время спешил. Даже когда шел по стопам предков. Открывал новый храм. Затаив дыхание, проста-

³ Я думаю, правда не пострадает, если любимое словечко моего Героя будет заменено на безобиднейшее ТРЯМ! Сами понимаете...

ивал возле картин. Бережно листал, как бесценный фолиант, впервые изданный, пахнувший типографской краской атлас Республики Коми⁴. . . «Это нужно было еще вчера!» – ронял он и спешил дальше. Я бывала везде, где был герой. Только путь в тайгу с ним был для меня заказан, сколько я его об этом ни просила. В ответ – равнодушно непреклонное: «Нет!» и взгляд сквозь меня, как через оконную раму. В этом крылась какая-то интрига. Но ещё большей тайной были его отношения со временем, для которого он сам определял единицы измерения, пускаясь с ним наперегонки:

– Время опережает меня, и я ориентируюсь на него.

Ему чисто физически не хватало двадцати четырех часов в сутки. Спрессованный график встреч едва ли не каждый раз давал погрешность в сорок минут:

– Программа составлена на компьютере, а встречаемся с людьми. Когда человек говорит, повернуться спиной невозможно. Мы не святые. Нас есть за что критиковать. Вдруг от Василия Васильевича правды жизни будет больше, чем от всего правительственного заседания? И такое бывает!

Из отрывочных фраз, как из мозаики, вырисовывалась интересная картина его взаимоотношений со временем:

– Чем больше человек думает, тем меньше он спит.

Начинающим инженером он «работал на шахте двадцать четыре часа в сутки, а потом ещё на зоне преподавал алгебру и геометрию». Первым секретарём горкома «вкальвал двести суток в командировках и тридцать шесть часов в сутки». Ныне, главой республики, за шуткой стал скрывать торопливость:

– Увеличить бы астрономические сутки до сорока восьми часов, тогда бы точно всё можно было бы успеть. Время сейчас бурно течет – измеряется не десятилетиями, а месяцами. . .

Мне, стоявшей за спиной Героя, напротив, казалось, что прошли не дни, не недели, а столетия. Я не могла отделаться от ощущения, что держу Время в пригоршнях. Оно утекает, сочится сквозь пальцы, расходится кругами в бездонном колодце Памяти.

. . . Герой опять уходил без меня в тайгу. Возвращался. Молчал. Вдруг – взгляд со знакомым уже прищуром, как будто на мушку берет:

– Человек нуждается в красоте и правде. Это все равно, как в охотничьей избушке, где два десятка мужиков вповалку спят, кто-то дверь на рассвете открыл навстречу таежному воздуху. . .

Так-так. . . Это зачем же он ходит в тайгу? А Стефанов тем временем продолжал. И взгляд уже был опять тем самым, как сквозь оконную раму:

– Негазетная правда сегодня неинтересна, – сказал он, сильно налегая на слово «негазетная». – Не так уж много тех, кто имеет охоту узнать прошлое или ещё более рискованное желание – постичь будущее.

И косою взгляд в мою сторону: проверяет, пишу или нет?

– История – удивительнейшее путешествие по жизни! Выдумываются лишь истории, а настоящая История создается. И ее нельзя ни переделать, ни переписать, её можно только продолжить. Трагедия всей нашей эпохи в том, что мы не хотим воспринимать свою историю такой, какая она есть. . .

Я слушала, строчила в блокноте, а сама про себя думала: «Почему он сейчас об этом? Вроде бы как не по теме. . . Неужели снизошёл до того, чтобы со мной поговорить?» Поднимаю голову от блокнота: ну да, размечталась, герой совсем в другую сторону смотрит и вид у него

⁴ Без «Историко-культурного атласа Республики Коми» под научным руководством д. и. н. Э.А. Савельевой, и хронографа «Связь времен» под редакцией д. и. н. И. Л. Жеребцова и М. И. Курочкина не состоялась бы и эта книга.

такой, словно вообще меня не видит и не подозревает, что я на свете есть. Нет, повернулся-таки в мою сторону.

– Самый опасный для историка труд – хроника современной истории, – произносит он, глядя на меня с ненавистью. – Ложь, что всё развивается по спирали, каждый виток повторяет предыдущий на более высоком уровне. Глупость! Время движется по кругу. Что будет, то уже было. И не время уходит – уходят люди, живая человеческая мысль.

...В день освящения заполярного храма свирепствовал мороз, скрипел под ногами промерзший до синевы снег. Ударил язык колокола и будто бы расколол намерзший на небесном своде лёд. Просыпался он вниз, на землю, миллионами игольчатых белых снежинок. Теснится в новом храме заполярный люд, греет дыханием стылые стены. И Стефанов – без шапки, с седой, словно заснеженной, головой – говорит, проглатывая комок. О том, что построили с благословения патриарха первый храм на этой святой земле. О том, что теперь люди могут поставить свечи памяти и покаяния. О том, что родине ГУЛАГа, может быть, больше других необходимо, чтобы именно здесь прозвучали колокола согласия и примирения, колокола веры. О том, что православная церковь всегда выполняла миссию миротворчества, собирательства России...

Конечно, я знаю, мне и сейчас нужно стоять за спиной моего героя и строчить в блокнот. Я знаю, но не могу... Не сейчас... Вчера поздно вечером, ближе к полуночи, мы вернулись из очередной поездки, я позвонила домой и узнала, что у меня умер отец. Похороны завтра, то есть сегодня, в час дня. Я не успевала... Батя, батяня, забайкальский казак, морская душа... Мы так редко виделись с ним, но он всегда умел оставаться для меня отцом. Он любил Север и Флот. Наверно, он был бы счастлив, если бы узнал, что заупокойную службу по нему отслужили в заполярном храме... Подошла настоятельница женского монастыря (кто-то ей сказал) и пообещала всё сделать, как надо.

– Сколько это стоит? – глупо спросила я.

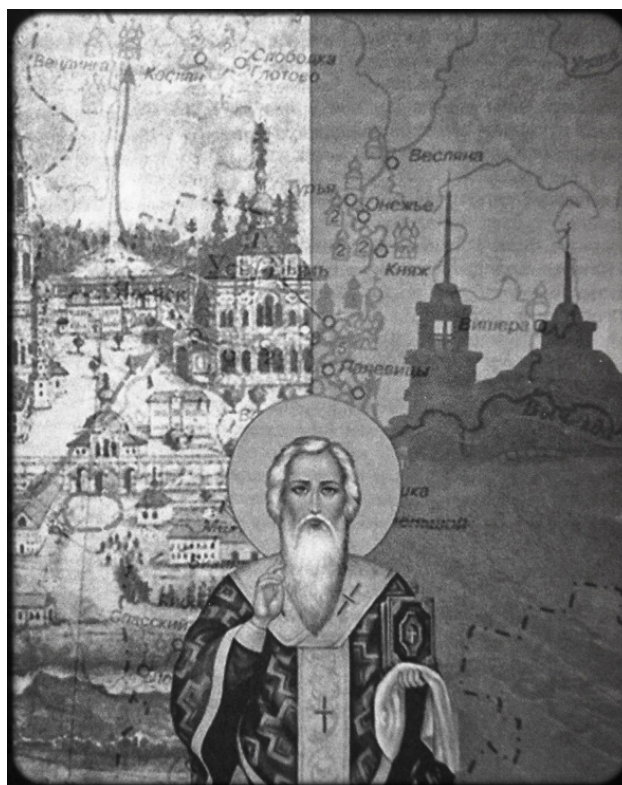
– Столько, во сколько вы это цените.

Я начала совать мятые деньги. Она завернула их в бумажку и написала: «Раб божий Валерий. За упокой». Настоятельница отошла, и я вспомнила: это про нее рассказывал Герой, что, когда строительство ушло в зиму, настоятельница вместе с немногими монахинями зимовала в келье без потолка, без крыши... Я осталась стоять, отчаянно пытаюсь припомнить слова хоть какой-нибудь из молитв. Ну разве что эту...

*«**Научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить...**»⁵*

Прости меня, Батя...

⁵ Здесь и далее выделенное жирным курсивом – «Молитва Оптинских старцев».

II. Стефановская площадь

О добром проповедничестве и об испепелении кумиров

1. 1992—1997

Над Стефановской площадью металась вьюга. Синие на черном небе снежинки сбивались в пушистые клочья, разлетались искрящейся пылью. «Как на митинге», – Героя позабавило это пришедшее вдруг на ум сравнение. Метель – самая плодотворная из всех манифестаций. Занесёт всё вокруг снегом, и останется только самое главное – ни грязи, ни сора. Утром проснётся земля, а всё вокруг белым-бело. Можно жизнь начинать, словно с белого листа, сызнова. Вот так бы и с памятью – ничего лишнего, только самое важное. Так нет ведь! Мысль человеческая, наоборот, цепляется за мелочи, словно в них вся суть.

Герой знал эту площадь ликующей, требовательной, ожесточённой, мятущейся. Каких только манифестаций не повидала она, прежде чем стать Стефановской! На одном митинге заклинали вернуться к Богу и возродить поруганные храмы. На другом – клеймили церковное мракобесие и взывали к защите культуры, требовали снести памятник Ленину. Но в конце концов, площадь, на которой по-прежнему стоит Ильич, стала носить имя Стефана Пермского.

Трагедия нашей истории в том, что мы никак не хотим воспринимать её такой, какая она есть. Если не остановимся – всё повторится сначала. До абсурда, до бесконечности. Будем казнить друг друга за веру. Каждый, истово проповедуя, будет сокрушать чужого кумира, думая, что оберегает своего... Я убежден, – думал Герой, глядя на вьюгу за окном, – что никто на небе не сидит и ничего эдакого с нами не вытворяет. Такого нет. Но есть Вечность. Она и посылает нам испытания. И этот Бог един. У него не бывает нации. Достаточно обратиться к библейской мудрости. Кто спасся на Ноевом ковчеге? Там каждой твари по паре было. И были там мужчины и женщины никакой национальности. Там не было негров, русских, украинцев, коми... Там был человек как таковой. Сам себя Стефанов считал безбожником. Но своя молитва у него была. На все случаи одна. Состояла она из единственного слова: «Разберёмся!»

... Именно поэтому однажды он, тогда ещё молодой партийный секретарь, однажды очутился в Софийском соборе.

Экскурсовод издала рукой на храм показывает:

– Памятник древнерусского зодчества, главное церковное и общественное здание Киевской Руси. Заложен в тысяча тридцать седьмом. С тысяча девятьсот тридцать четвертого стал музеем-заповедником. Пятинефный тринадцатикупольный кирпично-каменный храм, в одиннадцатом веке украшен величественными фресками, мозаикой. Но, уж извините, внутрь сегодня с экскурсией не попасть, идёт церковная служба...

И верно. Собор огромный, а народ на улице стеной стоял. Стефанов к жене повернулся:

– Попытаемся?

Та, смерив взглядом толпу, покачала головой:

– Иди один.

Он шагнул вперед и растворился в человеческой реке. Она внесла его своим плавным, неспешным течением в собор, поставила напротив иконостаса. Так он там и простоял часа три. Партийный. Молодой. А потом, когда людской поток вынес его из собора на площадь, он, очнувшись, сказал себе:

– Я понял: если рушится всё, остается Вера.

И когда в перестроечной лихорадке общество пустило под откос привычные идеалы, второй секретарь обкома оказался у Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго.

– Разве справедливо, что край Стефана Пермского утратил свою епархию?

В патриархии святые отцы, поднаторевшие в искусстве советской дипломатии, пытались скрыть замешательство и радость: виданное ли дело – обком партии печётся о создании епархии!

– Вот письма, обращения людей, – Стефанов хлопнул ладонью по увесистой пачке бумаг. – Подберите нам толкового епископа.

– Нет, – возразил патриарх, – у вас свой найдется.

– Хорошо, – уступил Стефанов.

... Чай давно остыл. Стефанов вспомнил, как патриарх извинялся, что не может-де гостю предложить северный, ижемский, чаёк. Конечно, Алексей Второй шутил. А в остальном разговор был серьезный, рассудительный. Герой усмехнулся: «Мысль додумать никогда не вредно».

Накануне патриарх ездил на Аляску – американцы праздновали двухсотлетие православия. Вернулся приятно поражённый и уязвлённый одновременно: насколько ценят там вклад, сделанный россиянами в освоение этих земель с того времени, как восемь русских монахов-миссионеров высадились на Аляску! В глазах главы Русской церкви читалась, как в открытой книге, потаённая боль.

– Ваше Святейшество! Будут и у нас храмы. Где-то ведь должна обитать душа. Вера едва ли не в каждом сердце сохранилась, так что и возродить нечего. Мы просто возвращаемся к истокам нашей духовности, к тому общечеловеческому, что нас объединяет. Люди восстанавливают не веру, а церкви.

– Значит, не забыты миссионеры не только на Аляске, но и в Зырянском краю?

Может быть, глава Русской церкви решил попытать уму-разуму? Патриарха понять несложно: модно нынче стало в храмы дорогу торить.

– Ваше Святейшество! Именно на Вычегде монастырь восстанавливают, там, где начинал свою миссию святитель Стефан Пермский. Его самоотверженность равна просветительскому подвигу братьев Кирилла и Мефодия. Христианство на Севере началось благодаря Стефану с нашего, Зырянского, края. Последние годы мы в республике проводим презентации книг, которые не могли издать на протяжении пятидесяти-семидесяти лет. В том числе и по истории православия: «Зырянский край при Епископах Пермских», «Зырянский язык», «История Ульяновского монастыря», «Божественная литургия». Книжное возрождение, строительство храмов, монастырей – живой учебник православия и духовности.

И, помолчав, добавил:

– Мы знали, что рано или поздно это произойдёт. Все реставрируемые здания, как памятники культуры, включены в бюджетную систему, начинаем строить в столице республики храм Стефана Пермского. Строительство будут финансировать банки, фирмы.

– Это хорошо, что не с протянутой рукой. Русской православной церкви приходится восстанавливать тысячи храмов...

– Да, – Стефанов кивнул, – и время вносит свои коррективы. У нас верующие настаивают на том, чтобы мы снесли памятник Ленину и на этом месте возвели храм, поскольку там он был прежде. А я не сторонник того, чтобы, созидавая, попутно разрушать. А если мы выберем новое место, по северному варианту, чтобы церковь с реки видна была?

Алексий Второй проронил задумчиво:

– Это разумно... Когда россияне разделены по политическим, национальным признакам, вера призвана стать объединяющей силой. Религиозное расслоение общества – последняя стадия падения. А вы – государственный муж, на вас ответственность. Не государством, а выбором народа на вас положен тяжкий крест.

...Герой снова подошел к окну. Метель уже улеглась. Над Стефановской площадью пролетали редкие, как звезды на синем небе, снежинки. «А что такое государство? Государство – это люди, это все мы. Разве могут люди быть в стороне от духовного начала человека? Именно это как раз нас и объединяет. Откровенно говоря, вера – один из элементов современного федерализма, которого, как огня, боятся новые чиновники, пришедшие и в Белый дом, и в Кремль. Всё им мерещится, что можно регионы упразднить, укрупнить по принципу: как карандашом нарисуем, так и будет. Не будет! Одно дело – выкрикивать лозунги, совсем другое – просчитывать потенциал. Национализм, региональная ограниченность – формы невежества. Нет в мире самодостаточного человека, самодостаточного народа. Все национальные, политические конфликты упираются в проблемы собственности и должности...»

Стефанов усмехнулся, вспомнив, как в кулуарах Совета Федерации его коллега, лидер национальной республики, говорил, мягко подбирая слова, словно ватные шарики катал. «Нам, региональным лидерам, надо давление национального движения использовать в центре для пользы дела!» – новоявленный президент важно поднял, как восклицательный знак, указательный палец. Стефанов насмешливо смерил говорившего взглядом. Тот, ощутив смутное беспокойство, спросил: «А чего ты себя так странно назвал – глава?» Стефанов задрал подбородок и произнес, как отрубил: «Потому что в России может быть только один президент!».

Стефанов жил в национальной республике. И никогда не забывал об этом. Точнее, понимал, что должен это помнить. Когда бывший «Союз нерушимый» захлестнула волна национального движения, и в республике тоже появились свои идейные вожди, Стефанов вместе с ними взялся создавать национальные центры – русский, украинский, еврейский, армянский, коми... В общем, всем сестрам по серьгам. Потому что если к украинцам приезжают гости с Украины, это даёт им возможность не только почувствовать неразрывную сопричастность со своими корнями, но и право уважать права других наций.

Национализм – это ведь прежде всего неуважение к своей нации. Игнорирование этого фактора привело к развалу СССР. Преступно и глупо пытаться вытравить из памяти национальное самосознание, сводя всё к «культурной» автономии – к народным пляскам, сарафанам, щам, шанежкам, фаршированной щуке, шашлыку, плову... Разве в этом суть? Суть в том, чтобы возродить Россию, а не расколоть. Власть, которая не приемлет духовных, нравственных традиций, обречена на непонимание и осуждение своим же народом. Церковь – соборная, объединяющая идея.

2. 1379—1396

Истекал шесть тысяч восемьсот девяносто седьмой год от сотворения мира⁶. Москва медленно приходила в себя после язвы и пожара. Знойным днём из белокаменной отправились в не ближний путь два обоза. Каждый из них возглавляли священнослужители, ибо обыкновение употреблять людей духовных в важных делах государственных тогда ещё не переменилось. Но на этом сходство миссий заканчивалось.

По случаю отправления первого обоза, насчитывавшего более сотни телег, в полдень в Кремле звонили, захлебываясь, многопудовые колокола. Их глас достигал Посада, Загородья и даже московской окраины – Заречья. То Великий князь московский Димитрий Иоаннович провожал в Царьград своего любимца Митяя, нареченного после смерти святого Алексия митрополитом Московским⁷.

...Старец умирал два долгих года, жизненные силы покидали его медленно и неотступно. В предчувствии кончины Алексей призвал к себе Троицкого игумена Сергия Радонежского, видя его своим преемником. Но преподобный от митрополичьей мантии отказался наотрез. Монаший черный клобук был ему милее. Архиереи между собой поговаривали, что литовский князь Ольгерд, неприятель Москвы, прочит своего избранника – митрополита Киевского и Всея Руси иеромонаха Киприана. Со дня на день ждали послов из Киева. Алексею становилось все хуже, он часто впадал в забытие. Монахи крестились, монахини украдкой утирали слезу.

В Коломне после вечерней, когда иноки уж разбрелись по кельям, в ворота ударили. Чернец, боязливо выглянув в створчатое оконце, не сразу признал Великого князя Димитрия Иоанновича, а распознав – со всех ног кинулся отодвигать тяжёлый засов... Всадники спешили. Чернецы в изумлении заметили среди дружинников дюжего человека в рясе. То был прежний коломенский священник, нынешний духовный отец Великого князя и хранитель великокняжеской печати Митяй. Он вырывался, его не пускали, крепко держали за руки и плечи. Димитрий Иоаннович что-то отрывисто говорил спешно призванному престарелому епископу Герасиму. Тот склонил голову и поспешил в церковь. Следом поволокли Митяя. Великий князь шёл в отдалении... Церковные ворота затворили. Затеплили свечи. Подвели присмившего Митяя. Надели на него клобук инока и мантию архимандрита. Епископ Герасим наскоро завершил обряд. Димитрий Иоаннович торопливо перекрестился и со словами «Идем за мной!» вышел прочь. Князь спешил в Кремль, в покои митрополита Алексия. На счастье, тот был в сознании и признал Димитрия. Великий князь вытолкнул вперед Митяя в новом облачении:

– Благослови Митяя на митрополию, владыка! Он монаший сан, как тебе любезно, принял...

Алексий безмолвствовал, лишь выпростанные поверх простыни иссохшие руки судорожно дернулись. Великий князь нагнулся к самому уху старца и, едва не касаясь бледной щеки, требовательно прошептал:

– Благослови, слышишь! Нельзя, чтобы власть духовная Киеву отошла. Митрополитом Всея Руси наш, московский, быть обязан.

Измождённое болезнью старческое лицо сморщилось. Четырьмя годами раньше противники Москвы единую русскую митрополию разделили, оболгав Алексия в глазах Царьград-

⁶ 1379 год от Рождества Христова.

⁷ В исторической части этой и последующих глав автор помимо трудов Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, и др. опиралась также на «Очерки по истории русской церкви» А. В. Карташева.

ского патриарха. Глаза умирающего переполнились обидой... А Димитрий Иоаннович, видя это, дожимал:

– Единство державы блюсти нужно. Вера есть особенная сила государственная. Ну же, владыка!

Алексий отыскал глазами Митяя. Тот под его взглядом съежился и стал как бы меньше. Владыка слабой рукой поднял митрополичий крест и, перекрестив, прибавил внезапно окрепшим голосом:

– Благословляю Митяя и я... если Бог, патриарх и Вселенский Собор удостоят его править русской церковь.

Странные эти слова, ни к кому особо не обращённые, прозвучали и смолкли. Взгляд старца, устремлённый к дверям сквозь сгрудившихся у постели, вдруг пронзительно прояснился. Всем показалось невольно, что владыка увидел на пороге смерть. Вокруг суетливо закрестились. Алексий впал в забытьё.

...Колокола не стихали. В такт им цокали конские копыта. Лишь передняя шестерка коней нет-нет да и сбивалась с ритма. Рысаки натужно тащили царские сани. По обычаю, это было особой почестью – ехать в санях летом по рассыпчатой соли, как зимой по белому снегу. Редкие иноземные послы удостаивались такой милости от московского князя. Да вот теперь еще и Митяй, нареченный митрополит, сподобился.

Дородный Митяй в белом клобуке и митрополичьей мантии, изукрашенной парамандром, который лежал на могучем торсе как ковер, раскраснелся от удовольствия. Он сидел по левую руку от Димитрия Иоанновича, возвышаясь над ним на голову.

Следом за санями в богато изукрашенных возках мерно колыхались старейшие бояре. За ними важно выступали епископы, включая и Митяева «крёстного отца» Герасима, оставленного на время путешествия Митяя наместником митрополита. Потом ехали архимандриты, протопопы, игумены... Словом, провожать княжьего любимца до Оки отправились, не смея ослушаться Димитрия Иоанновича, все светские и духовные сановники. Не было лишь одного архиерея Дионисия Суздальского. В обозе наушничали, будто бы между ним и нареченным митрополитом вышла ссора. Дионисий отказался прийти под благословение Митяя, высказал ему напрямик то, о чём перешёптывались во всех церквях и монастырях: «Я епископ, а ты поп. Как можешь ты благословлять меня?». Митяй нажаловался Великому князю, и тот приставил к Дионисию стражу. Тогда опальный архиерей поклялся смириться, представив себе порукой Троицкого игумена Сергия Радонежского, а сам тайно уехал в Царьград, к патриарху, куда поспешал теперь ему во след и Митяй с пышной свитой.

За сановным поездом тянулись гуськом сановные всадники – митрополитские бояре. И наконец, под присмотром большого великокняжеского боярина Юрия Васильевича Кочевина-Олешинского, собственного посла Димитриева, в окружении целого полка отроков и слуг Митяевых, везли на телегах казну, ризницу и многочисленные мантии с цветными источниками и скрижалями, клобуки, парамандры, наградные и нашейные кресты, – нареченный митрополит был неравнодушен к красивым нарядам.

Сотни колес громыхали по мостовой, заглушая звон колоколов... Весь этот шум не достигал Коломны. Отсюда поутру, едва забрезжил рассвет, из ворот монастыря вышел шуплый монах в чёрном. Он вёл под уздцы приземистого вороного коня, следом ехали возницы на двух телегах, гружённых церковной утварью и книгами. Монах шёл, не оглядываясь. Чернец, тихо затворяя за ним ворота, перекрестил его спину:

– Бог тебе заступник, Стефан.

Врата не закрывались, шли тяжело. Чернец в замешательстве взглянул вверх и осерчал: на левой воротине повис послушник, глазевший вслед Стефану. Монах шлепнул отрока пониже спины – не больно, для острастки. Послушник сиганул вниз, врата закрылись.

За холмом монаха ждали восемь конных дружинников. Старший тронул поводья и выступил навстречу Стефану:

– Отче, я к тебе от великого князя с дружиной вспомогательной. Велено сопровождать в Зырянский край.

...Накануне вечером, когда Стефан перевязывал бечёвкой свой нехитрый скарб, в келью ворвался как вихрь отрок, закричал с порога пронзительно:

– Отец Стефан, тебя отец Герасим кличет! Сказывал, чтоб ты со всех ног бежал. Айда! Великий князь вас примет!

Коней пустили вскачь. Спешили в Кремль, в бережные сени – княжеский дворец, имевший выход на берег Москвы-реки. На высоком крыльце Стефану пришлось дожидаться: Герасим остановился, хватаясь за сердце:

– Ох, Стефан, погодь! Дай дух перевесть...

В покоях стоял сам Великий князь, отступив несколько шагов от бояр своих. На столе громоздились свитки хартий. В печи трещали поленья. Димитрий Иоаннович не сразу поднял глаза на вошедших. Стефан украдкой разглядывал князя. «Пожалуй, по летам мне ровня», – мелькнуло в голове. На душе стало покойно, а глаза пытливо следовали дальше, то и дело, останавливаясь на русой бородке князя, не густой и окладистой, как у зрелого мужа, а редкой и мягкой, как у нежного юноши. Наконец, князь обратил взор на едва отдышавшегося, утиравшего украдкой потный лоб преподобного Герасима:

– Ну что, это и есть тот монах, что десять лет потратил, чтобы сложить азбуку для язычников?

Стефан, страшась своего поведения, выступил вперёд:

– Здравствуй, единоподержавный Великий князь!

Тот изумленно взметнул вверх брови.

– Единоподержавный? – откликнулся он, как эхо.

Стефан кивнул, не отводя глаз:

– Дед твой Иоанн Данилович Собиратель земли Русской был...

Герасим, зная, как пылок бывает мягкий по нраву князь, согнулся в поклоне, молясь лишь об одном – только бы пронеслась, не задев, буря. Димитрий Иоаннович откликнулся:

– А теперь наше время настало! – и, оборвав свои мысли, отрывисто спросил: «Чего просишь?».

Стефан усмехнулся – хотелось бесшабашно, получилось горько:

– Я монах, великий князь. Потому не помышляю о своих личных выгодах. Жизнь кратковременна, а детей не имею. Единство государства и мир церкви для меня любезны.

Димитрий Иоаннович раздражённо сбросил с плеч меховую шубу, остался в расшитой рубашке.

– В Перми два века господствует Новгород, вот если бы в церковных делах она стала зависеть от Московского митрополита, – и резко оборотился к Стефану: «Что скажешь, монах?».

Стефан ответил твердо и просто, как о давно решённом:

– Либо оброщу в христианство пермян, либо сложу голову.

Великий князь поднял руку, не то благословляя, не то отпуская... Герасим дёрнул Стефана за рясу. Кланяясь, попятись к двери. Уже на пороге догнал окрик:

– Постой, монах!

Князь наугад взял одну из белых хартий, приготовленных для Митяя в Царьград, протянул писцу:

– Выпиши охранную грамоту Стефану... Пермскому, – и усмехнулся, подняв на Стефана глаза, – видишь, окрестил я тебя. – А впрочем, у вас с Митяем один крестный отец, вот он...

Подмигнул тревожно застывшему в дверях Герасиму:

– Что, преподобный, разъезжаются твои крестники? Лишь Бог нам поборник да чёрные клобуки друзья...

Когда дверь затворилась, отрывисто бросил воеводе:

– Пошли сейчас же вслед дружинников дюжины две. Такая защита ему надёжнее охранной грамоты будет.

... У Оки Великий князь с Митяем простился:

– Ну, дальше ты сам...

Щуплый Димитрий Иоаннович старался вести себя грубовато-мужественно. Дородный Митяй уныния не скрывал и едва не хныкал. Все же облобызались и разъехались. В Царьград за нареченным митрополитом последовали собственный князев посол Кочевин-Олешинский, московский протопоп Александр, три архимандрита, пятеро игуменов, шесть бояр митрополитских, два переводчика, толпа отроков, челяди и дружинников.

Ехали споро, коней меняли по пять-шесть раз на дню. Миновали Рязань. Едва выехали в половецкие степи, как путь преградил татарский дозор. Старший нагнулся в седле и заглянул в крытую кибитку, в которой полулёжа дремал Митяй. Уже третьи сутки нареченный митрополит был не в духе. И сейчас, думая, что кто-то из митрополитских бояр дерзнул потревожить его, зычно крикнул:

– Пшёл вон!

Следом полетел полупустой штоф. Ошарашенный татарин отпрянул. Подоспевший Кочевин-Олешинский, как и полагается послу, улыбочиво растолковывал дозору через побледневшего от нехороших предчувствий переводчика, что сей грозный муж – новый митрополит Московский Митяй, вместо почившего Алексия.

Заслышав про Алексия, татары дружно закивали, широкоскулые лица расплылись в улыбках. Митрополит долгое время был опекуном московской княжеской власти, пока был мал летами Димитрий Иоаннович, и в Орде старца знал всякий. Алексий не однажды бывал здесь, добывая отроку ярлык на княжество, а заодно врачевал молитвой и лекарскими снадобьями жён и детей Мамая. А теперь к нему, в ханский шатер, привели Митяя. Мамай цепко следил сквозь щёлочки глаз за гостем. Тот, согнув в три погибели мощное тело, уселся и с хитрецки смиренной улыбкой стал дожидаться, когда хан соблаговолит открыть глаза. Принесли кумыс. Митяй поднес пиалу к носу, редкий запах кобыльего молока ударил в нос. Нареченный митрополит начал осторожно косить по сторонам, нельзя ли потихоньку выплеснуть. Но столкнулся с глазами посла – они были полны ужаса. Улучив минутку, Кочевин-Олешинский зашептал Митяю:

– Владыко, здесь считают за грех пролить молоко на землю, а заодно и бросить ножик в огонь, опереться на хлыст, умертвить птенчика. Упаси тебя Господи сделать хоть что-нибудь подобное. Видишь, как жрецы за тобой следят. Пей, владыко милостивый, не то пропали мы!

Отпустили Митяя из Орды только на следующий день – пировали. С непривычки ноги затекли, жутко ломило спину. По утру Митяй вышел, пошатываясь, если бы татары не поддерживали под руки, упал бы. Не мешкая, тронулись. И только позже, скрывшись от глаз обидчивых ордынцев, велел остановиться, чтобы переменить засаленную во время пира мантию. Отрок помчался стремглав к возкам с митяевым одеянием. Обоз между тем стал короче на пятнадцать телег. Щедрые дары хану сделали свое дело, взамен племянник Мамая Тюлюбек выдал Митяю милостивый ярлык.

Без особых приключений достигли Тавриды. В генуэзской Кафе Митяя ждал корабль. Нареченный митрополит был не в духе и сразу же спустился в каюту. Велел позвать одного из отроков и заперся с ним на всю ночь... Корабль уже рассекал волны Босфора. Вдали виднелся купол собора Святой Софии. Решились сообщить нареченному митрополиту, что Царьград уж виден. В дверь каюты скреблись сначала робко, потом колотили всё громче, всё настой-

чивей. Наконец, решились взломать затворы. Позвали дюжего монаха, расступились пред ним, он с размаху вышиб дубовую дверь плечом. Теснясь, заглянули и отпрянули: на постели лежал, раскинув руки, посиневший и уже остывший Митяй. Отрока нигде не было. Хлопало на ветру корабельное оконце.

... Стефан хотел закрыть глаза вознице, но заиндеветшие ресницы не хотели оттаивать, глаза умершего упрямо смотрели на верхушки заснеженных сосен. Окоченевший труп пересядили в сугроб, место возницы молча занял один из дружинников. Часом раньше под ним пал конь, мёртвый от усталости и голода. Его освежали и сырым стали есть. От мяса валил пар. Путники, избегая смотреть друг на друга, поглощали кровавые куски... Стефан сглотнул подступивший к горлу ком и отвернулся. Сам он постился. Питался одним просом и пил талую снежную воду. К вечеру кони заскользили копытами по припорошенному снегом льду. То было устье Выми. Дошли! Повалились на сани скопом, полуживые, но заснуть было боязно – мороз продирает до костей, не замерзнуть бы в дрёме до смерти. Ветер, завывая, вздымал с сугробов рассыпчатый снег, нороя занести, заровнять обоз вместе с людьми. Вой становился всё явственней и многоголосней.

– Мужики, – завопил дюжий возница. – Это ж не ветер!

Все повернулись в ту сторону, куда он указывал рукавицей – на синих на белом снегу волков. Матёрый вёл стаю, оставляя за собой аккуратную цепочку следов. Волки потратили три дня на выслеживание и преследование оленей. Быстроное стадо, зная, что хищники гонят его на ледяной наст, упорно шло «на махах» по глубокому сыпучему снегу. Вожак, с разбегу врезаясь в сугроб пузом и грудью, торил дорогу, затылком чуя, как каждый новый прыжок удаляет его от стаи. Он остался один. Постоял, тяжело дыша. Проглотив комок снега, развернулся и побежал навстречу своим серым собратьям, чтобы повести их к добыче, оставленной про запас после предыдущей удачной охоты.

И вот теперь он привел свою стаю к той поляне, где должен был быть тайник, и замер, подняв уши и выдвинув вперёд углы рта. Как раз там и стоял обоз с людьми. Этот крупный, закалённый во многих схватках волк никогда не нападал на человека и не хотел этого сейчас. Но люди вторглись на его охотничью территорию. По всем волчьим законам непрошеные гости должны быть жестоко наказаны. Вожак видел, как тяжело ходят впалые бока волков, – со времени последней успешной охоты прошло две недели. А у людей – лошади. Вожак вздёрнул нос и прижал к голове уши, представив, как его клыки хватают жертву за морду, промежность, как обессиленное животное падает и стая начинает рвать тушу на куски.

... Костёр никак не разгорался. Мокрые от снега сучья шипели и гасли. Один из дружинников, увязая в сугробе, подобрался к дальнему из возов, потрогал перевязанный бечевой и завёрнутый в шубы груз.

– Отец Стефан, что тут? На растопку не согорится?

– Книжки не дам! Это христианские изборники. В них живут мёртвые, их разум и душа. Не дам!

– Вот перегрызут нам волчары глотки и книгам твоим без нас погибель будет.

– Сани ломайте, – распорядился Стефан. – Нашему пути конец пришёл, здесь поселимся. Церковь строить станем.

Разбухшие и отсыревшие от осенних дождей и снежных зимних бурь дуги ломались плохо, а горели и того хуже.

– Отец Стефан! – взревел старший из дружинников, и не понять было, грозит или молит он. – Выбери сам, что в обозе жечь можно, а то всё мечом покрошу. Ну!

Стефан обвел взглядом окрест. Заснеженный холм, на котором стоял обоз с горсткой насмерть усталых, голодных и обмороженных людей, со всех сторон обступала непроглядно-чёрная цепь тайги. Внутри этого круга щерился и сужался еще один круг – волчья

стая, чуя легкую добычу, подбиралась все ближе. «Троих я потерял в пути, нас осталось всего восемь, только восемь, – пронеслось у него в голове. – Как глупо будет умереть сейчас, когда мы дошли до цели, Господи!» Стефан хотел было вздохнуть поглубже, морозный воздух обжег легкие. Он поперхнулся, закашлялся, согнулся наполовину. Так, согбленный, добрался до саней с церковной утварью и на ощупь нашарил икону побольше.

– Прости, Богородица, взойди на муку огненную, спаси и сохрани нас, дабы могли мы употребить жизнь свою на благотворение. Аминь! Да будет так!

Стефан истово перекрестился и ткнул иконой в ближайшего дружинника. Тот схватил, переломил через колено. Стефан не видел этого, стоял зажмурившись, слышал только треск, отозвавшийся во всем теле болью. А дружинники между тем уже хлопотали над костром – кто высекал искру, кто подкладывал щепочки. Жаркие языки дохнули в лицо Стефану. Он не выдержал – взглянул на разгоревшийся костёр сквозь растопыренные, дрожащие пальцы. Разогревшейся слезой стекла по писаному лику смола. Беззвучная мука... Неподдельная боль... Мука и боль... Стефан стоял и смотрел, не в силах отвести взгляд. А губы дрожали всё сильнее. Но занялся огонь, осветил тайгу и разорвал волчий круг.

...Вестей из Царьграда как не было, так и нет. Димитрий Иоаннович частенько грустил, вспоминая любимца. Но вскоре стало не до того. Татарские полчища устремились к Москве. Русь готовилась к Куликовской битве. А в Царьграде в то же самое время шли бои за митрополитский клобук, наградной крест и жезл. Соискатели норовили выхватить символы духовной власти друг у друга. На что уходит жизнь! Среди русского посольства царила великая смута. Не переставая удивляться внезапной и странной смерти Митяя, тело его свезли на берег и торжественно погребли в Галате. Перед греческой патриархией из всех сил пытались соблюсти приличия, делая скорбный вид. А в своём кругу злословили: «Бог покарал его за гордыню да сладострастие...». Осуждая Митяя, русское посольство впадало в большой соблазн. И было от чего. В потайном ящичке в каюте покойного нашли белые хартии, скрепленные великокняжеской печатью, – пиши, что хочешь. В трюме теснились лари с митрополичьей казной.

Зачастили на корабль греки. Осторожно, полунамёками, прощупывали московских послов: дескать, пока вы тут над казной в скупости чахнете, патриарх Нил или грека назначит, или Киевского митрополита Киприана призовет, или Дионисию Суздальскому благосклонность выкажет. Соискателей митрополии Московской и Всея Руси много, а вы тут на своем добре сидите без пользы... Вволю попугав, отведав рассыпчатой черной икры и крепких монастырских настоек, гости сходили на берег. Тянулись на корабль и русичи. Первым наведалься опальный Дионисий Суздальский, с затаенной радостью прознавший о смерти Митяя. Спустился в трапезную, перекрестился на образа, сказал скороговоркой:

– Упокой, Господи, душу раба твоего, – и, повернувшись спиной к образам, добавил: «по делам Митяю воздалось. Тело еще не остыло, а он уж дерзнул облечься в белый клобук и митрополичью мантию и даже сидел на троне в алтаре. Поспешил выскочка».

Все молчали, избегая смотреть в глаза Дионисию, а он забавлялся воцарившейся неловкостью:

– Поспешили вы под благословение к Митяю, а?

Вторым на корабль пожаловал митрополит Киевский Киприан. В каюты спускаться величественно отказался, позвал с собой прогуляться по берегу князева посла Кочевина-Олешинского. Пошли под пристальными взглядами. Слушали, как перекатывает гальку морская волна. Наконец, молчание нарушил Киприан:

– Юрий Васильевич, темнить не стану. Противно это и моей человеческой натуре, и сану моему неприлично. Я в Царьград прибыл с притязанием на «Всея Руси». Склонишь московское посольство в мою сторону, сочтёмся прямо тут, в Царьграде. Моя митрополитская казна щед-

рой к тебе будет. Думай, боярин, до завтра, – мелко перекрестил опешившего посла и ушёл твердой поступью, уверенный в успехе.

Кочевин-Олешинский проворочался в своей каюте ночь напролет. То ему собственные палаты каменные виделись, то шестерка рысаков для личного выезда, то восставший из гроба Алексей, то веселый, краснолицый Митяй, то грозно подбоченившийся Великий князь Дмитрий Иоаннович. . . Последнее из видений было явственней других. Под утро стало вовсе невмоготу. Пошел будить свое посольство. В капитанской каюте собрались не сразу. Кочевин-Олешинский обвёл взглядом хмурые, помятые лица и понял: бессонницей мучился не он один. Боярин откашлялся в кулак и без обиняков начал:

– Ну вот что, святые отцы. Митрополит Московский и Всея Руси должен быть из Москвы. Справляться о воле князя некогда. Чье имя впишем в хартию на место умершего и представим патриарху Нилу для посвящения?

Повисла мертвая тишина. В посольстве было три архимандрита – Иоанн, Мартиниан и Пимен. Одному из них и надлежало сейчас стать митрополитом. Священнослужители переглянулись – так перестраиваются полки на марше при зове боевой трубы. Великокняжеский боярин, опешив, изумлённо наблюдал. Сначала было явственно видно, как святые отцы образовали два полка – левой и правой руки. Один пошёл в бой против Иоанна, другой – против Мартиниана. Закипели словесные баталии, разбившие наголову оба полка. Из остатков образовался запасный полк сторонников Пимена. Казалось бы, победа. Но нет. Слабеющей рукой знамя подхватил отвергнутый архимандрит Иоанн. Теперь он горячо протестовал против Пимена, как, впрочем, двумя минутами раньше Пимен протестовал против него. Великокняжеский посол почуял: пора действовать, иначе побоище не кончится никогда. Обезумевшая конница понесётся вскачь по собственным позициям. Улучив минуту, когда святые отцы переводили дыхание, Кочевин-Олешинский зычно скомандовал матросам:

– Иоанна в оковы и в трюм! Морить голодом, пока не образумится. А будет своевольничать – бросьте в море!

Посол, вытирая взмокший лоб, вписал в хартию Пимена, а заодно заполнил и ещё одну великокняжескую грамоту – о займе у царьградских банкиров двадцати тысяч гривен на имя московского князя. . .

. . . Минуло четыре года. Стефан покидал Москву, стыдясь в душе того радостного облегчения, которое всё более захватывало его на пути к северной своей епархии. Кони бежали по зимнику бодро, среди снежных просторов дышалось и думалось удивительно легко и просто. . . Просто ли? Да! Теперь он епископ. . . Поставление его на эту должность было даже по московским меркам небывало пышным. Но откуда странное это чувство? Он стал другим? Или Москва переменилась? Конечно, после набега татар красота белокаменной погибла. Остались дым да пепел. И такое же пепелище в сердце Великого князя. Хан Тохтамыш, требуя дани, удерживает в плену старшего сына Василия. Стефан явственно видел перед собой глаза Дмитрия Иоанновича, словно припорошённые пеплом, когда тот подозвал к себе Стефана после службы:

– В чём, епископ, нужду испытываешь?

– Единодержавный Великий князь, – сказал и увидел, как поглубели серые глаза князя, должно быть, тоже припомнил первую встречу. Но не время предаваться чувствам, о деле сказать важно. Стефан заторопился сказать о главном: «мы лишены подвозов и терпим нужду в хлебе!».

Тут приблизился великокняжеский боярин, зашептал что-то на ухо князю. Дмитрий Иоаннович, багровея, повернулся на каблуках и вышел из церкви. За ним устремились толпой бояре, заполонили своими длиннополыми шубами весь проход. Ну не бежать же следом, да и не до него Великому князю, вон как в лице переменился. . . Преподобный Герасим шаркаю-

щей походкой подошёл и повёл к дальней иконе, чтобы говорить можно было сподручней, без чужих ушей.

– Смута у нас в Москве великая, Стефан. Когда Великий князь узнал о гибели Митяя и о посольском заговоре в Царьграде, переживал долго. Сказать по совести, мне тоже его жаль, мы коломенские с ним оба. Ну вот... – Герасим огляделся по сторонам и заторопился: – Пока ты в своей Перми пропадал, князь, подавляя свою прежнюю нелюбовь к киевскому Киприану, позвал его на митрополию. Тот тут как тут – в праздник Вознесения въехал в Москву! А зимой вдруг весть – царьградские заговорщики возвращаются. Доложили князю. Он им навстречу дружину выслал. Пимена – в заточение, в Чухлому. С остальными посольскими князь тоже суров был: у кого имение отобрал, кого в ссылку отправил, иных велел батогами бить, а кого и смерти предал...

Вошла монахиня, стала убирать огарки свечей. Преподобный оборвал себя на полуслове, шарахнулся в угол, потянув за собой Стефана.

– Слушай... Прознав про это, патриарх Нил послания стал слать, раз за разом требовательнее. Киприан князю и самому видно опостылел, он его после нашествия татар на Москву от себя отослал. Да обидно так: вроде как за то, что митрополит в Тверь сбежал, когда Тохтамыш в Москву пришёл.

Герасим снизил голос до шёпота и прибавил в ухо Стефану:

– А сам князь на ту пору тоже Москву оставил. Ну, после этого, – голос Герасима снова обрёл прежний тон, – вызвали по осени из заточения Пимена. Только тот обрадовался, зимой прибыл из Царьграда Дионисий. Что он князю наговорил? Да что бы ни сказал, давно известно: близ царя – близ смерти... После того князь объявил Пимена наглым хищником святительства и велел снять с него белый клобук. И опять звенели колокола, и опять встречали Киприана. Пимен, сказывают, к туркам сбежал и на патриарший собор не явился, его за глаза осудили... Одно слово, смута! Эх, Стефан, в честных людях Москва нужду терпит, а ты тут – с хлебом для своих язычников к князю пристаешь...

И правда! Стефан о своей нужде больше не заговаривал. Засобирался в путь, чтобы хлеб добыть в Вологде и успеть привезти до весенней распутицы, по зимнику.

...В дороге перемёрзли, едва в полынью не провалились, но дошли без потерь. А вот показались из-за холма и дубовые стены вокруг церкви, которую в первую зиму сработали ввосьмером под любопытными взглядами пермян в считанные дни. Из дубовых срубов с забутовкой внутри, брёвна – один к одному, в обхват толщиной. На трескучем морозе не зябли, грелись – работали так, что пар от потной одежды шёл.

Стефан вспомнил московские обгорелые церкви. Нет, не из Орды пришло в храмы запустение – из души... Будет на то воля Божья, он в своей епархии не только церкви и училища откроет, но и монастыри размножит, ибо с ними вместе разрастается и собиранье великих книжных сокровищ.

Церковный сторож открыл ворота проворно, не скрывая тревоги. Едва переступили через порог, поспешил с известием:

– Без тебя, отец, худо. Ты уехал, молиться все бросили, а тут еще Пам-сотник смуту в народе сеет. Говорит, голод оттого, что от богов своих отвернулись. Люди толпами к Воипелю идут, последнего оленя в жертву принесли, кровью его мазали рот и глаза истукану...

Стефан слушать дальше не стал, перебил сердито:

– Ладно, с этим потом. Вы прихожанам, кои на службу придут, – помолчал, покачал головой и сам себя поправил: – Нет. Не чиня между людьми разницы, раздайте по зобнице ржи на каждого – корзина закрома не наполнит, но в голоде всё же поддержка. Детей малых и стариков не пропустите!

Стефан повернулся спиной и принялся молиться. Побежали исполнять... Дождавшись, когда церковь опустеет, поднялся с колен и поискал глазами доверенного дьяка Василия –

бывшего возницу, с кем вместе голодал и холодал, церковь ставил с первого бревнышка. Тот стоял в стороне, дожидаясь.

– Пойдём в избу, – кивнул ему Стефан. – Там всё расскажешь...

Слушал молча, низко склонив голову. Чувствовал, как растёт в груди ярость и не гасил её...

– Ну что ж, пойдём к кумирнице, – только и сказал, тяжело вставая. – Показывай дорогу. Во дворе, проходя мимо поленницы, поднял топор.

...На Стефана слепо смотрело каменное изваяние старухи с прилепленными по бокам младенцами. Постоял, примериваясь и умиряя дыхание. Размахнулся и ударил обухом по каменному брюху, поросшему серо-зеленым мхом. Топор гулко звякнул. На теле идола зазмеилась трещина. Кто-то пронзительно закричал. Стефан размахнулся снова... Слышал за спиной, как скрипит снег под ногами бегущих прочь от кумирницы людей... Новая трещина на камне столкнулась с прежней. Истукан пошатнулся, от него медленно и нехотя отвалился кусок, глухо стукнулся о подножье и скатился к ногам Стефана. Тот не отступил. Слово и сам окаменел. Камень, покачавшись, остановился, словно наткнулся на невидимую преграду.

Народ в суеверном ужасе заметался, запричитал разногласно. Всех перекрыл густой голос Пама-сотника («Хороший дьяк был бы, молитвы читал бы зычно», – отметил про себя Стефан). На площади подле сокрушённого кумира всё разом стихло.

– Кто дал тебе власть такое творить? Кто послал тебя в землю нашу, чтобы надругался ты над нашими богами?..

Стефан усмехнулся и бросил топор, повинувшись внезапно нахлынувшей усталости:

– Разве это бог, если его прилюдно сокрушить можно?

Сотник, смешавшийся, повернулся к людям:

– Не слушайте Стефана, пришельца из Москвы! – и, чувствуя, что напал на верный след, возвысил голос:

– Что хорошего быть может нам от Москвы? Не оттуда ли к нам тяготы идут, дани тяжкие, и насилия, и судьи, и соглядатаи, и караульщики? Не от нашей ли охоты меха в Орду посылаются? Народ! Твои учителя были опытные старцы, а сей иноплеменик юн летами и разумом...

Пам-сотник говорил и с радостью для себя отмечал, как с двух сторон стали подступать мужики, кое-кто подбирал палки прямо здесь, среди припорошённого снегом валежника. Сомкнулся круг. Пам предостерегающе поднял руку. Занесённые над головой Стефана дубины нехотя остановились. Сотник вышел в середину круга, загадочно ухмыльнулся:

– Ты нашего бога топором сокрушить решил, а сейчас мы твоего огнем испытаем!

Взметнулся столб пламени, опалил лапы елей, искры брызнули в морозное синее небо. Пам стоял, скрестив на груди руки, в предчувствии триумфа. Мерил взглядом Стефана: «Против меня ему никак не устоять». Говорил зычно и внятно, чтобы слышно было в самом дальнем уголке поляны.

– Мои боги – Воипель и Золотая баба, на которую ты, московский пришелец, руку поднял, – меня защитят, и я пройду невредим сквозь огонь. Ты, иноземец, со мной пойдешь!

Стефан сбросил с себя кожу. Остался стоять в рясе, продуваемый ветром и осыпаемый снегом. Поцеловал крест:

– Да, я не повелеваю стихиями, – негромко ответил он, не стараясь перекричать треск костра и вой поднявшейся метели. – Бог христианский велик. Я иду с тобой, Пам.

И неожиданно, как клещами, стиснул руку сотника и повлек его за собой в огонь, вмиг опаливший бороду, брови, волосы.

Сотник попятился. Стефан не пускал. Смотрел прямо перед собой, огненные блики отражались в зрачках. Языки жадно лизнули ноги. Слово босиком на раскаленных углях.

Пам люто закричал. Он уже не пятился – вырывался из рук монаха. Толкнул его всей тяжестью своего тела, камнем упал на Стефана и превозмог-таки силой – выкатились тесно сплетённым, тлеющим клубком из огнища.

Шипела в снегу успевшая заняться огнём одежонка. Ветер колол, как иголками, обожжённую кожу на лице и на руках. Ныли ноги в обуглившихся пимах...

Пам лежал, зарывшись в снег, силился унять боль. Стефан встал. Свет резанул по глазам. Сразу и не понял, почему так непривычно стало смотреть: недоставало ресниц.

Вернулся к костру. Жар дохнул в лицо. Выхватил из пламени горевшую дубину. Взвесил на руке – чем не факел? И пошёл подпаливать деревянных идолов вокруг полуразвалившегося каменного истукана...

Снег, смешавшись с пеплом, стал окрест чёрным. Волдыри на лице и руках от ветра и жара полопались, но Стефан не чувствовал боли.

– Кто воистину верует, – говорить мешали истрескавшиеся губы, – тот должен разыскать и выведать, где кумиры таятся. Найдёте в доме ли своём, или у соседа ближнего, или ещё где-нибудь, несите сюда, чтобы прилюдно идолов руками своими сокрушить. А кто не хочет к святой вере прийти, тот пусть на Удору уходит, – обвёл глазами поляну, все стояли, молча: – Аминь! Да будет так!

...И таяли снега. И ложились на землю вновь. Военный год сменялся мирным. Неурожайный – хлебным. Тревога чередовалась с надеждой. И люди не смели тому радоваться, опасаясь новых перемен.

Лишь Ульяна ликовала. Вставала затемно. В родительском доме икон не было. Ульяна, как учил Стефан, крестилась, глядя на верхушки сосен, подпиравшие купол неба. Случалось, что вслед за затверженными словами с губ срывались свои, невесть откуда взявшиеся. Они прорастали из души, как молодая поросль в лесу.

*Господи,
Истину Твою,
Милости Твои
не удали от меня!
Благоволи, Господи, и избави! —
от покушающихся на мою душу,
от беззакония,
от безверия,
от озлобления, —
и сердце мое остави мне,
многотерпеливый Господи,
Боже мой!⁸.*

Когда Ульяна впервые переступила порог часовни, словно взбежавшей на пригорок над Вычегдой, её подстегивало любопытство: почему пришлый человек построил себе такой необычный дом, почему островерхую крышу венчает крест? До этого дня Ульяна лишь слышала о Стефане – о нем перешёптывался тайком вычегодский люд, что-де у москаля заговор сильнее, чем у тунов⁹, он помогает хвори отводить, хлеб добывать, научает огня и невзгод не страшиться. Припомнив это, Ульяна зябко повела плечами – боязно ведь как-никак.

⁸ Все стихи в этой главе принадлежат перу коми поэта Галине Бутыревой.

⁹ Тун – колдун (коми).

Но не утерпела, заглянула внутрь. В глубине диковинной избы мигали, плавилась свечи. Из тьмы проступали печальные лики.

Взгляд Ульяны притягивала деревянная скульптура напротив входа («Идол, что ли?»). Девушка подошла ближе и замерла: взаправдашнее, человеческое страдание исказило черты изваяния. Ульяна смотрела на поникшую голову, на обессилевшие ладони. Она всмотрелась и обомлела: в руки статуи были вбиты гвозди! Ульяна забыла, что перед ней деревянное подобие, а не живой человек. Его боль передалась ей, и она невольно коснулась пальцами своего вдруг занывшего запястья. Ульяна не сразу почувствовала, что в часовне она уже не одна. Рядом с ней стоял невысокий седой человек в чёрной длиннополой одежде. Как и Ульяна, с состраданием посмотрел на распятие и перекрестился.

– Кто это? – спросила Ульяна, внимательно проследив за тем, как незнакомец коснулся двумя перстами своего лба, середины живота, правого, а затем и левого плеча.

– Это Господь наш Иисус Христос, который страдал за людей. Он человеколюбив, даёт нам благословение, прощение и отпущение...

Ульяна, осмелев, взглянула на говорившего: тот хоть и был сед, но выглядел бы совсем молодо, если бы не усталые, мудрые глаза.

– А ты и есть Стефан?

Тот молча кивнул и тоже украдкой посмотрел на Ульяну. Высокая, широкоплечая, вся какая-то очень светлая, ясная, как сосенка в бору солнечным утром. Может быть, это так кажется из-за круглого лица с весёлой пуговкой носа или из-за зелёно-голубых доверчивых глаз? Ульяна, прижав широкие ладошки к груди, тихо спросила:

– А кто его так? – кивнув на гвозди в руках Бога.

– Люди, – тихо ответил Стефан и, словно отвечая своим мыслям, повторил отчетливо: – Люди...

...Тын Кыска уминал шаньги, но от сытости не только не добрел, а, наоборот, распаялся всё больше. На сидевшего напротив Пама смотрел снисходительно, не скрывая насмешки:

– Хм, ты на головёшку стал похож. И что тебе взбрело со Стефаном в огонь бросаться? Неужто и правда на заговор понадеялся?

– Да какое там, – мигнул Пам слезящимися глазами без ресниц, которые, обгорев, так и не выросли, – кто ж мог подумать, что он сам в пламя ползет и меня за собой потащит. Отчаянный он, москаль этот...

– Ничего, – мрачно закивал Кыска, почесывая волосатую грудь, – мы его веру попытаем, да и с новокрещёнными христианами посчитаться стоило бы. Они ведь поговаривают, что Стефан сильнее нас с тобой, раз кумирницы разорил и богов наших разрушил и за то ему ничего не было. Придётся пособить идолам нашим счёты со Стефаном свести.

На следующее утро и выступили. Печора-река равнодушно и проворно принесла загруженный мстителями коч¹⁰ к Вычегде. Скрытно причалили чуть пониже пригорка, на котором виднелась прямая, как игла, часовня, в которой служил своему всемогущему Богу ненавистный Стефан. Подкрались к оконцу, присмотрелись, прислушались. Возится кто-то, тень по стене мечется. Должно быть, Стефан. Метнулись к глухой стене, прислонили к ней прихваченные с собой вязанки сухой соломы, чиркнули кресалом. Проворные языки пламени заплясали по брёвнам – и занялась часовенка, как огромный факел.

– Эх, жаль, дверь не подпёрли, – посетовал Пам, мигая красными веками, – чтоб ему и не выбраться, окаянному.

...А Ульяна с головой ушла в часовне в работу. Бережно сметала мягкой еловой лапой невидимую пыль с окладов икон. Добела скоблила скамьи у толстых бревенчатых стен, намы-

¹⁰ Речное судно на веслах и под парусом (Даль).

вала струганные полы, словно молодая хозяйка в доме. «Вот вернется Стефан с хлебным обозом, – застенчиво мечтала она, – а я его на пороге встречу...» Вздохнув стесненно, приступила к главному. Поклонившись в пояс распятию, достала холщовый лоскут. «Будто раны перевязать», – мелькнуло мимолётное сравнение, словно не деревянного изваяния касалась, а исстрадавшейся человеческой плоти, и, сама того не замечая, шептала слова сострадания и утешения... А за ними следом пришли и другие:

*Господи, Боже мой!
Да не убоюсь я зла
«и пойду посреде сени смертные»,
пока Ты со мной
и милость Твоя.*

«Что ж это я, – укорила себя Ульяна, – вместо того чтобы молиться... Вот узнает Стефан, не одобрит. А может, и не пожурит, если пойдёт сейчас к нему в избу, где весь стол загромождён письменными принадлежностями, и признание своё запишет, не зря же грамоте он её учил?» Ульяна заторопилась к выходу, боясь, что забудет только что родившиеся в душе строчки. Отворила дверь и отшатнулась: навстречу ей вместе с клубами чёрного дыма ворвались жадные языки пламени, обожгли своим жарким дыханием лицо. Ульяна закричала протужно низко, но не отступила – пригнувшись, рванулась вперед, в огнище.

Пам с Кыской переглянулись:

– Тю! То ж Ульянка, Стефан её как окрестил да грамоте выучил, так она тут и пропадает! Назад загоним? Пущай горит!

Кыска шагнул к Ульяне, обнявшей обеими руками сосну и с ужасом взиравшей на пожарище. Посмотрел и ...пропал. В голубых Ульянкиных глазах стояли озера слёз, но она не плакала, не голосила, стояла, словно пустила корни и срослась с сосенкой-сестрой. Кыска с трудом оторвал взгляд, вернулся к недоумевающим своим поделникам. Взял бечёвку, которой были схвачены вязанки соломы, зашагал обратно. Пам засуетился, стараясь перед другими показать свою значимость и близость с Кыской, закивал:

– Правильно-правильно, связать надо, а то вырвется, как только пятки жарить начнёт. Тебе подсобить?

И осёкся под тяжёлым взглядом Кыски. А Ульяна смотрела, как, догорая, рушится остов часовни, рассыпаясь на кроваво-черные головешки. Так же пылала, корчилась её душа. Когда зашедший сзади Кыска обхватил её, заламывая руки за спину, она очнулась, стремясь вырваться. И вдруг замерла от пронзившей её мысли: «А ведь они за Стефаном пришли. Он вот-вот появится здесь. Уводить их надобно...». Кыска, почувствовав, что ослабло сопротивление, повернул Ульяну лицом к себе, горячо прошептал:

– Не бойся...

Она стояла перед ним безучастная, будто мертвая. Кыска осерчал и, грубо отвернув от себя, связал её за спиной руки:

– А ну, пошла!

Отчалили. Подналегли на весла, поспешая по Вычегде-матушке. Ульяна сидела на корме молчаливая, отрешённая. «Ничего, – думал про себя Кыска, – все по-моему будет. У меня с девками разговор короткий...» С противоположного берега, сгрудившись у ближней к реке бани, смотрели на зарево и удаляющуюся лодку селяне.

– Никак Уллянку схватили, – сказал самый зоркий.

– Тише ты, мать услышит, – одернули его, – плач поднимет, на всё селенье беду накличет. Кыска – он хоть и тун, а лихой, кровушки много пустил... Такого лучше не трожь...

А мать уже и так не столько увидела, сколько почувствовала: её дочку увозят разбойники. Побежала вдоль русла не разбирая дороги, ломилась, как олениха, сквозь таёжный бурелом, только бы не отстать... Ульяна встрепенулась, подобралась вся. И с каким-то ей одной понятным облегчением перегнулась, словно переломилась, через борт. Раздался всплеск. Тёмная вода, расступившись, сомкнулась.

...Старый охотник по прозвищу Бутора¹¹ вывел Стефана сквозь тайгу прямёхонько к тому самому месту, кашлянул глухо:

– Вот это плесо, где внучка моя Ульянка через тебя утопла. Речка тут широкая, видишь, какие коленца гнёт, бежит – не догонишь...

Стефан кивнул старику и против воли опустил на мох. Сгорбился, опустив голову, чтобы лица не было видно. Бутора поглядел на побелевшие костяшки стиснутых кулаков Стефана и ещё тише, чем прежде, кашлянул:

– Ну, я, пожалуй, силки проверю, пока ты тут... – и ринулся в чашу, ничего не видя перед собой от застилавших глаза слёз.

Стефан остался один на один с рекой и Ульяной. Неспешные волны набегали на ветвистые корни сосен.

...Помощников, чтобы посчитаться с Кыской, искать не пришлось, сами вызвались. Старший дружинник – мало их при Стефане осталось, кто дальнего похода не перенёс, кто позже назад в Московию самовольно подался, от Севера спасаясь, – только головой покачал, себе под нос ворча:

– Вот так войско собралось, будто медведя с берлоги подымать, – и, отыскав глазами самого старого из вычегодцев, прокричал ему в самое ухо: – Ну куда ты, дедушка? Неужто, думаешь, мы без тебя оплошаем?

Бутора ничего не ответил, только посмотрел, насупившись, из-под лохматых бровей, кашлянул глухо и топор с руки на руку перекинул.

– Не замай его, – зашептали сзади, – он Ульянкин дедушка...

Налегли на весла, а Стефана отстранили:

– Ты лучше с Буторой на корму сядь, а мы тут. Для нас грести – дело рыбацкое, привычное.

Стефан покорно перебрался на указанное место. С той поры как Ульяны не стало, он словно окаменел, никто даже не слышал, чтобы он молился. Вот и сейчас сидел рядом с сурово застывшим на корме стариком и молчал. Лодку сносило влево, и гребцы, поднатужившись, развернули нос вправо – там, за быстрой стремниной, виднелось одинокое жилище туна. И вдруг коч, заскрежетав дном, замер. Мужики, свесившись за борта, пытались разглядеть, что там под водой их держит... Раздался всплеск – все вскинули головы: с кормы исчез Стефан, лишь чёрная ряса на скамье лежит. Все вскочили, всматриваясь в расходившиеся круги.

– Он что, как Ульянка?!

– Тише, – прикрикнул Бутора, – лодку потопите, вон он...

У левого борта отфыркивался Стефан. Десятки рук потянулись к нему, схватили под руки, втащили в лодку и, ошеломлённые, переглянулись: чёлн мягко заскользил вперёд.

– Никак движемся! Ты что сотворил, Стефан?

Тот, стуча зубами, выжимал рубаху:

– Там цепь была железная, отомкнул я ее, запор нехитрый был.

– Как отомкнул?

Стефан, облачаясь в сухую рясу, вздохнул:

¹¹ Бутора – северный ветер (коми).

- А крестом, как ещё...
- Крестом?!

Потрясённые, взмахнули веслами, обдумывая. И только когда приблизились к дому Кыски настолько, что уже стали видны тусклые оконца, один из мужиков осмелился полюбопытствовать:

- Стефан, а ты Кыску крестом порешить можешь?
- Нет, – покачал головой Стефан, – не могу, мой Бог человеколюбив.
- Даже к Кыске?
- Даже к нему.
- А ты тоже человеколюбив к Кыске, как твой Бог?
- Нет, – решительно замотал головой Стефан и, тяжело вздохнув, негромко добавил: – Видно, я не лучший его слуга...

Коч замотало из стороны в сторону. Один из гребцов побелел и бросил весло, оно скрылось во вспенившейся воде.

– Крепок заговор туна, – прошептал мужик, оправдываясь. – Ты бы, Стефан, еще крестом поработал, что ли...

– Эх вы, горе-рыбаки, – подал голос с кормы Бутора, – ослепли со страху, это сёмужка на нерест идет.

Вода вокруг кипела от сотен плавников серебрившейся в воде сёмги, стремящейся к прекрасному и трагическому концу своему пути: дать новую жизнь и умереть. Всё на белом свете подчиняется одному закону: чтобы возродиться, нужно почувствовать свою погибель...

Стефан вдруг вспомнил то первое, что написала Ульяна, как только он обучил её грамоте. Он тогда не то, чтобы свысока на неё смотрел, но всё же думал, что всему свой срок, он ещё научит её не только слагать буквы в слова, но и вкладывать в них чувство и мысль. Ан нет! Оказалось, этому-то Ульяну учить не надо, все это дремало до поры до времени в неразбуженной её душе. И когда на утро, краснея и робея, она протянула ему грамотку, он развернул, прочёл и поразился... И вот сейчас эти строчки ожили так не вовремя. А впрочем, почему не вовремя? Может быть, совсем наоборот?

*Что оставим мы
После себя?
Весне – половодье.
Лету – туманы и звездопады.
Осени – золото лиственниц.
На первом снегу...*

Без гибели нет возрождения. Без боли нет счастья. А без ненависти нет любви? Погрузившись в собственные мысли, Стефан не сразу и заметил, что коч уже причалил к берегу, у избы туна. Подперли дверь, принесли сухого валежника, зажгли. Язычки пламени вспыхивали и гасли. Тогда тот самый мужик, что упустил в воду весло, проворно шмыгнул в баню и выскочил оттуда с веником. Победно размахивая им над головой, дико заорал:

- А против собственного использованного веника заговор туна слаб! Жги его, убивца! – и, покосившись в сторону стоявшего поодаль Стефана, неуклюже перекрестился.
- Во как трещит, – сказал кто-то, – сейчас рухнет...

Но трещала не изба, а лишь оконце, которое высадил очумевший от дыма Кыска. И согнувшись в три погибели, он уже хотел было броситься в студеную воду, как дорогу ему заступил гневный Бутора. Наотмашь ударил Кыску топором. Тот упал, залившись кровью, попробовал было встать на колени, но получил второй, смертельный, удар и, умирая, успел слышать хриплое:

– За Улянку!

...Вернувшись, Стефан с головой ушёл в привезённые из недавней поездки в Новгород летописи и рукописные книги. Составленные из отдельных пергаментных листов, они представляли обрывки правды, которая того и гляди сгинет в стремнине лет. Стефан бережно подбирал их по времени и по смыслу, сшивал в тетради, терпеливо переплетал и прикреплял к деревянным доскам. Останется только обтянуть их нежной оленьей кожей и – на полку в книгохранилище, рядом со своими собственными трудами да с грамотками, нацарапанными неумелой, старательной рукой Ульяны.

А впрочем, какая разница, кем написаны все эти повести, поучения, жития? Важна суть, не книжная, а человеческая истина о том, что каждый, кто имеет душу, носит в ней Бога. Это было как спасение – погружаться в исследование чужих радостей, невзгод, надежд. Воистину история – удивительнейшее путешествие по жизни. Но как ни силился нырнуть поглубже в колодезь времени – всё напрасно.

Снова и снова возвращался к недавним дням. То ему Улянка в часовне виделась, удивлённая и взволнованная, у распятия, то, смущённая и несмелая, со свитком своей берестяной рукописи на пороге его кельи, а то, раздумывавшаяся, босая, старательно прибиравшаяся, как она с удовольствием выговаривала, в божьем доме. И поднималась в душе горечь и обида: «Что ж ты, Господи, её у меня отнял? Чисты мои помыслы были... Разве не может у инока отрада в душе быть? Я бы не обидел ее, Господи... Под венец бы с другим свёл, и детей бы её народившихся окрестил, были бы первые новорождённые христиане в земле Пермской. А то, может быть, она бы тебе, как я, служила, монахиней стала... Что ж ты наделал, Господи, как позволил злобе людской верх над собой взять?!».

...Стефан взял одну из заготовленных досок – тщательно обработанных, просушенных. В них так много общего с чистым листом пергамента, подкарауливающим мысль! Но доска ждёт не мысли, а образа. Чьего на этот раз? Николая Чудотворца? Святой Троицы? Сошествия Святого Духа? Спаса Нерукотворного? Или Неисчерпаемого Человеческого Духа?.. Посмотрел на ютившиеся в углу краски, составленные на яичном желтке, соке растений по рецепту, привезённому от новгородских иконописцев, и склонился над доской, припал к ней, как к последней отраде возвращающейся из небытия души. Закончил на рассвете, когда угасла, шипя, свеча, и солнечный луч скользнул по непросохшим краскам, выхватывая из мглы удивлённо-горестные глаза, простёртые вперед руки, будто разрывающие круг вечности... Не сразу и почувал, что в келье не один: прислонившись к дверному косяку, как изваяние, стоял смурной Бутора.

– Слышь, – начал тот не поднимая головы, – я тут со служкой твоим говорил, так он сказывал, убийство – грех, самоубийство – тоже грех. Это правда? Я не за себя, пусть я грешник, если б можно было, я бы Кыску ещё раз убил, я – за Улянку. Правда, что самоубийство – смертный грех?

Старик взыскательно посмотрел на Стефана. Тот кивнул.

– Правда?! – Бутора подался вперёд, – Это моя-то Улянка в глазах твоего Бога грешница?!

Стефан встал, зачем-то коснулся креста, висевшего на шее, и резко, словно бинты с запекшейся раны срывал, ответил:

– Бога не трожь! Уляна перед ним ни в чём не виновата. Она сейчас на небе, потому что святая. А чтобы на земле её не забыли, я пустыню во имя Спаса Нерукотворного Образа решил основать. А там, с Божьей помощью, и Ульяновский монастырь построим, чтобы в веках помнили. И на тебе, дедушка, греха нет, отпускаю я тебе все твои грехи. Ты сделал то, что я не смог.

...Однажды под утро в келью ворвался послушник. Забыв перекреститься на иконы, с порога выпалил:

– Беда, преподобный! Новгород против Перми опять войско направил. У Чёрной речки уже стоят. К нам лазутчик прибежал, тебя дожидается. Сказывал, новгородцы на то рассчитывают, что на сей раз устюжские дружины к нам на подмогу не успеют, как прошлым летом...

Послушник тараторил, а сам всё косил глазом на книги и летописи, громоздившиеся на просторном столе. «Чудно, – думал про себя монах, – владыко днями и ночами напролёт просиживает в келье, читает или пишет. Зачем ему это, если он и так все молитвы наизусть знает?» Стефан перехватил любопытный взгляд и отослал инока, внезапно осерчав. Нечего глазеть на единственную отраду его сердца! Книги – тайная его страсть, его дети, его наследники... Это – не для чужих пытливых глаз. Но нынче не до книг. Что ж, опять воевать? За Пермь? Или за Москву? На Новгородском вече все – духовные и миряне – крест целовали в том, что Московский митрополит им не указ. До Москвы далеко, а Пермь – вот она, разом с ним, её ставленником, как на ладони. Стефан провел рукой по лицу, стирая усталость. Тяжко вздохнул и опустил на колени. Читал затверженную молитву так, будто слова эти были вживлены в его душу. И вдруг запнулся, замолчал. Болело, нестерпимо болело сердце от усталости и боли. Стефан поднял отчаянный взгляд:

– Что ж это, Господи? Я один... Опять один... Всё перетерпел от неверных – озлобление, ропот, брань, хулу, укоры. А однажды чуть не взошёл на костёр... Я здесь и законоположник, и исцелитель, и креститель, и проповедник, и исповедник, и учитель, и стражейой, и правитель. А был – монах! Господи, ты же человеколюбец, ты всё про меня ведаешь. Ты ведь знаешь, я сызмальства отчий дом на монастырь променял, дабы учиться грамматической премудрости и книжной силе. Книжник я, Господи, книжник, а не воин, не правитель! Ну где же Москва со своею князьей силой? Я один здесь, Боже праведный. Ты и я, и снег, снег, снег... Я не в силах один искоренить зла и глупости человеческой. Где власть – там и многие обиды... За что ты возложил на меня сей крест, Господи?!..

Монахи и дружинники топтались, не смея войтив келью. Меж собой тревожно судили: время не терпит, что ж владыка медлит? Дверь кельи неожиданно отворилась. На пороге предстал Стефан в чёрной дорожной рясе.

– Чтобы убивать друг друга, ума много не надо. Новгородцы нам братья. Христиане, как и мы. Объединять Русь надобно, а не ослаблять распрями междоусобными. Дружина наша пусть выступает к Чёрной речке, но на тот берег не переходит. Супротив стоять, спуску супостатам не давать, но самим бойню не развязывать. А я в Новгород на переговоры еду.

Кинулись седлать лошадей...

Архиепископ Новгородский Алексей встретил Стефана как подобает сану обоих: степенно, без суеты, с радушным почтением. Слушал не перебивая, обещал поспособствовать мирным переговорам, а заодно и о своей печали пожаловался:

– Ересь у нас в Новгороде, как чума расползается. Карп Стригольник всех с толку сбивает, моего диакона Никиту на свою сторону переманил. Как быть – не знаю. Я уж и патриарху Нилу писал, чтобы надоумил, как искоренить зло благоразумными убеждениями. Он мне в подмогу Дионисия Суздальского прислал, да тот, похоже, не намерен увещевать. Горячится преподобный... А ты, Стефан, сказывают учён зело, греческий знаешь. Составил бы ты поучение против ереси стригольников, а я уж в твою пользу мирные переговоры с нашим князем поведу. Так как, согласен?

Стефан корпел над рукописью день и ночь напролёт. Однако в трапезную к архиепископу каждый раз, как тот звал его, шел не мешкая. Знал, что за кубком доброй монастырской настойки – особенно хороша была клюквенная – будут они с Алексием не одни. Дипломатич-

ный архиепископ зазывал в эти вечера самых влиятельных великокняжеских бояр. Питие развязывало языки, стирало границы. Бояре покидали трапезную не столько хмельные, сколько изумлённые: шли к святым отцам, а попали к государственным деятелям...

Уж были подписаны хартии о мире между Новгородом и Пермью. Уж монахи переписывали набело поучение против ереси, а иные седлали коней, чтобы донести благоразумное увещание до тех, кто мечется, как свеча на ветру, между русской церковью и стригольниками. И в это самое время в Новгород прибыл Дионисий Суздальский. Повстречались, как водится, за чарой.

– Читал я твоё поучение, Стефан. Зело учёно, но до самого сердца пробирает. Большое дело ты сделал...

Заговорили о прежних временах, об общих знакомцах – Герасиме, Митяе, Великом князе Димитрии Иоанновиче... Засиделись, сумерничая и вспоминая. В дверь тихонько поскребся прислужник. Алексей спросил на правах хозяина:

– Чего тебе? Велено было не тревожить или как?

Прислужник согнулся и зашептал владыке что-то на ухо. Алексей удивленно оборотился к Дионисию:

– К тебе гонец...

– Ну так пропустите его, – тяжело усмехнулся Дионисий, – послушаем, что скажет.

В трапезную, пригнувши голову, шагнул плечистый монах. Быстро обежал всех присутствующих глазами, остановился на Дионисии и, смиряя бас, прогудел:

– Владыко, утопили главных виновников раскола, Карпа Стригольника, диакона Никиту... Запомню я третьего...

– Кто утопил, зачем? У них же ученики есть! – не вытерпел Стефан.

– Кто утопил? – переспросил Дионисий. – Народ! Народ, прозревший от твоего поучения против ереси.

И, уже обращаясь к гонцу, резко поднялся:

– Так было?

– Так, – пряча усмешку, кивнул гонец и попятился к двери...

Три епископа тягостно молчали, каждый думал свою думу. Наконец, Дионисий шумно вздохнул и сам себе плеснул настойки. Выпил, никого не приглашая, и обронил, усмехаясь мрачно, всеми тяжёлыми чертами лица:

– В одном покойники были правы: лихоимство церкви терпеть противно, всё продается, всё покупается. Таково бремя Византии... – и ухмыльнулся едко, искоса глянув на Стефана. – Это ты у нас, правитель зырянский, как снег чист, с поучением да наставлением...

Вскоре простились. Стефан отправился в обратный путь, снарядив заодно и хлебный обоз. Лошади шли, увязая по брюхо в снегу. За околицей передний конь встал. Стефан открыл глаза и сбросил с себя кожух. Впереди по санному следу брел маленький человечек, путаясь в овчине до пят. Завидев над собой конскую морду в инее, отступил в сугроб.

– Куда собрался? – окликнул его Стефан.

Чумазый отрок слабо махнул длинным рукавом и сирым, простуженным голосом безразлично ответил:

– Та – а... Никуда!

– Ты чей?

– Стригольники мы...

– Кто? – опешил Стефан, чувствуя, как холодеет душа.

– Стригольники, – повторил малец, шмыгая носом. – Не знаешь, что ли? Это те, которых намедни поутру чёрные монахи в проруби топили...

– Да какой ты стригольник, – осерчал Стефан, вынимая его из сугроба, – ты от кого род ведешь?

- Я же говорю, Алеша я, Стригольник. Батяня мой был Стригольник и дед тоже.
- Родом ты Пермьяк, вот кто! Запомни накрепко, Алексей.
- Унёс его в сани, уложил, прикрыл кожухом и стегнул коня...

...Минули годы, пролетели в трудах и заботах, как дни. Вести из белокаменной к Стефану доходили с большим опозданием – через полгода, год, а то и спустя несколько лет. О том, что упокоился в Архангельском соборе Кремля Великий князь Димитрий Иоаннович; что Царьградскую кафедру вместо умершего патриарха Нила занял Антоний; что дважды низложенный московский митрополит Пимен скончался, подъезжая к Царьграду; что новый князь Василий Дмитриевич, дабы положить конец церковной смуте, принял митрополита Киприана, которого отказывался до последнего своего часа принять его отец, Великий князь Димитрий Иоаннович; что сын решился и вовсе на неслыханное: четвертовал на красной от крови московской площади мятежников из Торжка и Новгорода, как врагов государя Московского...

В шесть тысяч девятьсот четвертом году¹² Москва встретила епископа Пермского пышной суетой... Но он приехал не ради благосклонных взглядов и великодушных кивков, а ради нужных вопросов, к спасению людей относящихся.

– Край полнощный, близ Каменного Пояса, скудный людьми, изобилует сокровищами природы, в коих у Москвы нужда великая. Но источники эти иссякают от возрастающих непомерных тягот. Дани тяжкие надобно ослабить. Земля Пермская ждёт от молодого князя Василия Дмитриевича заступничества, истины и добра... Ибо настанет такой час, что Север будет держать на своих плечах Великую Русь!...

После, в трапезной, обносили красным вином. Стефан пригубил и поставил на стол. Зорко следивший за ним митрополический боярин зашептал, что-де нельзя, от чистого сердца чару поднесли. Стефан допил. А вечером почувствовал, что занемог...

...Епифаний затворился в келье, точил перья, разводил чернила, пытаясь унять дрожь в руках. Инок понял всё.

«Напрасно же отпустили тебя в Москву, там ты и почил. Потому обида у нас на Москву, справедливо ли, имея у себя митрополитов, святителей, взять у нас единственного епископа... Он землю Пермскую, как плугом, проповедью вспахал, учением словес книжных, как семенем, засеял в браздах сердечных... Живы будут эти сердца в веках...»¹³

В Пермь известие пришло ночью. Хотели ударить в колокол. Но над землёй металась вьюга. Колокола сами собой издавали печальный звук. Сильная буря сломила крест на Ульяновском монастыре...

¹² 1386 год от Рождества Христова.

¹³ «Житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым».

3. 1918—2001

Набросили петлю-удавку на синюю маковку, увенчанную крестом. Махнули стоящим внизу. Возница, пряча глаза, стегнул битюгов. Те нехотя взяли с места и побрели, медленно натягивая веревку. Та задрожала от напруги, как струна. Лошади остановились и скосили глаза на людей: вся деревня высыпала на площадь.

– Даёшь! – крикнул приезжий начальник.

Он давно уже продрог на морозе в своей тонкой шинелишке. Ему не терпелось покончить с Богом побыстрее. Возница стегнул кнутом. Веревка дернулась. Раздался треск – какой-то странный, словно не дерево ломалось, а тонкая материя рвалась по живой нитке... Эхом подхватила этот всхлип тайга и бережно донесла на своих зеленых ладонях до верховьев Вычегды, где начинал свой путь Стефан Пермский, до основанной им Спасской пустыни, до Ульяновского плёса... Маковка наклонилась, синяя на голубом небе, и рухнула вниз. Ударилась о мёрзлую землю, раскололась надвое. И лежала в грязи, как обломки потерпевшего крушение корабля, выброшенного на дикий берег... Из церкви вывели священника. Поникший старик путался в ветхой рясе. Старший кивнул красноармейцу. Тот подтолкнул арестанта штыком.

– Куда вы его? – робко спросили из толпы.

Старший поднял воротник шинели, то ли заслоняясь от ветра, то ли отгораживаясь от вопросов. Активисты отодрали от забора две доски и прибили крест-накрест на дверях храма. Старика приезжие посадили в лодку. Сели сами. Оттолкнулись от берега, зачерпнув веслом ледяную кашу – по реке накануне ледостава шла шуга. Село столпилось у воды. Смотрели вслед... Пятью годами раньше этот священник оставил приход единственному сыну:

– Устал я перед Богом ответ за всех держать.

В алтарь больше не поднимался, но молиться продолжал усердно, выстаивая вместе с прихожанами все сыновние проповеди. Однажды во время заутренней вошли чекисты.

– «Печорский Чапаев»! – прошелестело в толпе.

Мандельбаум знал это своё прозвище. Ему оно было по вкусу. Но ещё больше ему нравился тот трепетный ужас, который он внушал своим появлением повсюду. Поигрывая плёткой, он вошёл в храм. Молодой священник, прервав проповедь, поднял на вошедшего глаза и услышал:

– Гражданин Спасский! Именем революции вы арестованы!

Мандельбаум вышел из церкви, бросив через плечо:

– Взять попа за антисоветскую агитацию!

Прямо со службы увели молодого батюшку, посадили в лодку и повезли вниз по реке. Первая пороса замела и следы убийц, и винтовочные гильзы, и окровавленное тело... Отец отслужил за упокой, едва держась на ногах. А наутро селяне с удивлением обнаружили, что церковь открыта и служба вот-вот начнётся. Так продолжалось до этого дня.

– Куда вы батюшку? В нем душа еле держится! – надрывно кричали с берега вслед удаляющейся лодке.

– Да в ссылку его, – не выдержал председатель сельсовета, примкнувший к народу. – Ничего, везде люди живут, а нашему брату и того легче, ведь с Севера на Север везут.

...В тысяча девятьсот девяносто третьем году по весне в Усть-Нем прилетел второй секретарь обкома партии Стефанов. До этого побывал в соседнем селе. Решил «по пути» проверить, как там школа строится. На Севере ведь и полторы сотни верст – и то считается почти рядом. Так вот и здесь. Вертолёт «на точке» сел – возле строительной площадки.

– Ну как дела подвигаются?

– Помалу идут, – чешут в затылках мужики.

Председатель сельсовета, вздохнув, вперед выступил:

– Сваи забили, копать начали – внизу кладбище.

– Ну что теперь? И сваи не достанешь, и начатое не бросишь. В общем, мужики, либо школе абу¹⁴, либо... – и с горечью, со злой болью: – Что ж вы стариков не расспросили?! А теперь уж что! Строить надо.

Вертолёт, перелетев из села в село, приткнулся на краю взлетного поля. Стефанов привычно сбежал по трапу. Следом за ним из вертолёта спустился молодой священник. Спрыгнул и замер. Вдоль поля теснились сотни людей. Нарядные дети, присмирившие подростки, молодки в белых платках, трезвые мужики, строгие старухи, кряжистые старики – все стояли и смотрели на прилетевших. Такие разные, а во взгляде что-то объединяющее всех, какая-то спокойная вера в праздник, который пришел и на их улицу.

– Пойдем, отец Иоанн, – позвал Стефанов. – Народ ждёт.

Люди собрались ещё с утра. Из соседних посёлков пешком пришли, за сотню километров на моторных лодках приплыли в Усть-Нем – деревню, дальше которой в этом районе и нет ничего. Две молоденькие учительницы, похожие на старшекласниц, подбежали и выпалили, вторя друг дружке:

– Ох, Господи, а мы боялись, вдруг да не прилетите!

Служба шла в школе, туда вместились не все. Тогда открыли окна, чтобы было слышно и на улице. Кто-то в толпе спросил:

– А секретарь обкома тоже здесь? Что же – вчера партийным атеистом был, а сегодня крестится?

– Тише ты, – одернули, – что же он, не человек?

Стефанов же для себя решил: «Пять минут на службе побуду и – в леспромхоз, „генералов“ полный вертолёт, дела не ждут...».

Решить-то решил, но вместо пяти минут все сорок пять со свечкой простоял: «Даже из пушек нельзя расстрелять потребность россиян остаться один на один с собой и помолиться. С двадцать шестого года ни одной службы в этом селе не было, а спустя шестьдесят с лишним лет оказалось, жива вера! Боже, какой же она должна быть людям необходимой!.. Созрею ли я когда-нибудь для исповеди? Не знаю, тут нужен искренний порыв. Но я уважаю, когда это есть в других...»

Осторожно протиснулся к выходу и – в лесхоз.

За батюшкой вернулся к вечеру, когда солнце уже садилось за верхушки сосен. Пожилая женщина устало облокотилась на перила крылечка, не таясь, курила.

– Тяжело такую долгую службу отстоять?

Бывшая пионерка и комсомолка по-фронтовому затянулась беломориной:

– Ну уж нет, раз за шестьдесят семь лет – это недолго... Но вы правы: тяжело. Очень!

Закончили на вечерней зорьке. Всем миром поставили обетный крест, батюшка освятил памятник погибшим в Великой отечественной войне, окрестил две с половиной сотни ребятшек – от грудных младенцев до школьников. Молитвы пели всем народом. И был среди народа тот, кто молился особенно истово – внук расстрелянного священника, урождённый Спаский...

– Что же не сказал, что едешь туда, – огорчилась жена. – Я ведь тоже из рода Спаских, а расстрелянный священник – мой дед. Мама, хоть и маленькая совсем была, а все же запомнила, как всю их семью, в которой было четверо детей, выгнали из дома. Хорошо, сельчане помогли...

Стефанов молча слушал, прикрыв рукой глаза. Его охватило очень странное чувство, словно всё это он уже знал заранее. И когда оказался в Софийском соборе, и когда дал слово

¹⁴ Нет (коми).

молодым учительницам, основавшим православную общину, привезти в их село священника... Конечно, не всё, что с нами случается, стоит того, чтобы придавать этому особое значение. И все же как часто в том, что происходит с нами ВДРУГ, есть порой величайший, сокрытый до поры до времени смысл. «Случайность!» – говорим мы, когда не в силах понять, о чем нам тщится сказать Жизнь. Стефанов поднял глаза на жену, оторвавшись от своих мыслей.

– Мама, выйдя замуж за партийца, скрывала, что в Бога верит. Я помню, как папа отчитывал её, узнав, что она меня – пионерку! – тайком окрестила: «Хочешь, чтобы меня с работы сняли?! Ты когда-нибудь забудешь, что ты – поповская дочь?!» Мама рассказывала, как разрушали Стефановский собор, чтобы поставить на его месте памятник Ленину. Она это видела. Мне кажется, всю свою жизнь мама не могла избавиться от чувства страха и от чувства веры. И всё это поровну... А знаешь, что тяжким крестом лежит на всем роде Спасских? То, что у деда нет могилы, никто ведь толком не знает, где его расстреляли.

...В тайгу пошли едва ли не всем селом. Нашли поляну, которую вековые сосны обступили, как солдаты на посту. Солнце грело мшистый холм посреди зеленого безмолвия.

– Здесь его тогда нашли, – уверенно указал один из старожилов, – когда Мандельбаум ушёл, мы по следу пробрались. Смотрим, рука... Едва ветками закидали. Не потрудились могилу вырыть. Мы его с тайги привезли, тайком похоронили. А убили его здесь.

– Ну вот, тут и поставим Памятный крест, – тихо сказал Стефанов, – как над вечным покоем будет...

Не суетясь, мастеровито и споро, водрузили в центре холма собственноручно срубленный крест...

– Ве-ечна-ая па-амя-амя!.. – возвестил священник.

Его густой бас был подхвачен и усилен, как эхом, сотнями голосов... Вечная память...

...Утро Девятого Мая тысяча девятьсот девяносто шестого года началось в Москве с поисков патриарха Московского и Всея Руси.

– Как нет в столице? В такой праздник оставил Москву?! – отказывались верить в мэрии, обрывая телефоны патриархии. – Куда он полетел?.. Куда? В Коми? Зачем?!!

Республика праздновала Девятое мая и шестисотлетие успения Стефана Пермского, который ушёл в бессмертие именно в тот день, в который российская земля спустя полтысячелетия стала праздновать свой великий День победы. И именно в этот день на Пермскую землю ступил Патриарх Московский и Всея Руси. Впервые за многовековую историю существования христианства Коми.

Стрела крана дрогнула и, будто часовая стрелка, медленно поползла по бело-голубому циферблату неба. Стефанов, как и все, кто был сейчас у подножья собора, стоял, задрал голову вверх. Золотой купол, подхваченный кранами, поплыл навстречу взмывшему ввысь храму.

– Повыше будет, чем у Юрия Михалыча! – удивился московский инженер, поправляя съехавшую на макушку каску.

Его «со товарищи» пригласили поднять купола, и Игнатович сам не заметил, как втянулся в действие, с грустью подумывая о том, что еще день-другой, работа будет закончена и надо будет возвращаться восвояси. А золотой купол тем временем увенчал собор, взметнувшийся в небо охристыми стенами. Последний...

Едва рассвет забрезжил, «поповская дочь», урожденная Спасская, проснулась с чувством, что нынче – день особенный. Зоя Георгиевна с вечера предупредила, что сегодня будут ставить купола. Старушка с грустью подумала, что стала слышать совсем плохо, дочери приходится кричать, чтобы она поняла сказанное. Да что там слух! Жизнь уходит, отдаляются воспоминания, как тают звуки убегающего эха. Но сейчас у неё было такое чувство, словно река Времени побежала вспять. Она очень боялась разочароваться, раньше времени выйти на бал-

III. Истинные сибиряки

О первооткрывателях и притоке реки Колымы Зырянке

1. 1968—1998

Геолог Сошкин, на днях защитивший в Москве кандидатскую диссертацию о разведке алюминиевых руд на северных территориях СССР, только что расписался за вручённое ему курьером приглашение на беседу в обком партии. Ким Дмитриевич ликовал, мысленно воображая, как практика, подпитанная наукой, приведёт к тому, что советские бокситы¹⁵ бурным потоком устремятся на металлургические заводы родного Свердловска.

Собрав заветную папочку с далеко идущими идеями, Сошкин явился на четверть часа раньше назначенного срока. Просидев в приемной полтора часа свыше назначенного времени, он наконец был допущен в кабинет инструктора отдела тяжёлой промышленности. Дородный Шевчук из-за стола поднялся неожиданно легко и радушно шагнул навстречу.

– Здравствуй, – по-партийному демократично пробасил он геологу, которого видел впервые. – Времени в обрез, к сталеварам опаздываю.

При упоминании о заводе Сошкин встрепенулся. Шевчук, похлопав по лежавшей на столе тощей папке, пробасил:

– Вот что, Сошкин, есть мнение, что ты знаток бокситов. Автореферат твоей кандидатской читал, молодец, толково. Такие люди нам нужны. Пр-рямо одобряю!

Инструктор с удовольствием прислушался, как пророкотали согласные в последней фразе, и поднажал:

– Дуй к моему помощнику, он тебе поможет оформить в командировку. Бокситы будешь добывать в Маданге.

– Где? – переспросил Сошкин. – На Магадане?

Шевчук, покачав головой, выдержал паузу и очень весомо произнес, понизив голос до доверительной нотки:

– В Маданге. Это в Новой Гвинее, дружище, где ж ещё.

От панибратской раскованности и следа не осталось. Шевчук построжел, потяжелели складки у губ, он набычился, подался вперёд, глыбой нависнув над Сошкиным:

– Может, мне к металлургам и не ехать, тебе лекцию о международном положении читать, о расширении социалистического лагеря странами третьего мира, а, Сошкин?

– Не надо, – попросил геолог севшим голос, – я уже еду.

– То-то, – заулыбался инструктор, нажимая кнопку селектора, чтобы передать Сошкина на руки помощнику.

– Смотри не подведи меня, – догнал геолога у самого выхода шевчуковский бас. Раздумавший ехать к металлургам инструктор удобно устроился в кресле за огромным столом: «Мы, Сошкин, не каждому доверие оказываем, за границу посылая».

Через три часа Ким вышел из обкома, прошёл мимо неподвижного постового в тулупе и, поравнявшись со скамейкой, едва выглядывавшей из-под снега, плюхнулся на неё и достал из кармана загранпаспорт с открытой визой. Сидел и смотрел на синие в вечерних сумерках снежинки, пытаясь представить вместо родной тайги джунгли.

¹⁵ Горная порода, содержащая глинозем, алюминиевая руда.

...Двадцать пять лет спустя поседевший Сошкин, натянув шапку на замерзшие уши, стоял и смотрел вслед колонне самосвалов, увозивших первые бокситы Тимана.

– Ким Дмитрич, – окликнул его сдившийся в джип главный инженер, – поехали на митинг!

– Ох, – смешался Сошкин, – да я митинги эти...

– Да ладно, – рассмеялся главный инженер, – тут другое.

Митинг между тем уже начался. Сошкин, отмахнувшись от приглашения присоединиться к фирмачам, у которых он с недавних пор работал консультантом, остался стоять у джипа. Его захлестывала волна едкой иронии. «Приученного к митингам совкового человека и морозом не проймёшь», – усмехнулся про себя Ким Дмитриевич, наблюдая за сослуживцами. На импровизированной трибуне президент компании, окладистой бородой напоминавший священника, обратился к седоголовому человеку, державшему шапку в руке:

– Фёдор Тимофеевич, день сегодня исторический, тридцать лет ждали начала отечественной разработки бокситов...

– Почему ждали? – усмехнулся тот, шагнув к микрофону, – готовились к этому дню, работали. Нашли, разведали, защитили, отработали технологию обогащения. Когда в Екатеринбурге у власти толковый губернатор стал, начали двойной тягой толкать. Бумаги не у одного премьера на столе лежали, только они их подписать не успевали, сменяясь. Конечно, не так бы хотелось начинать дОбычу. Хотелось бы сразу иметь инфраструктуру, чтобы условия жизни получше были, и чтобы железная дорога уже была здесь. Только, я думаю, идеализировать нечего. Да, у нас стала зарождаться горнорудная промышленность, но она пошла в самое тяжёлое время. Без участия правительства вряд ли нам поднять это.

Седоголовый, на мгновение задумавшись, добавил:

– Поэтому мы решили сдвинуть проблему с мёртвой точки старыми методами: сначала ввязаться, а там посмотрим, что получится. Только делом можно подтолкнуть тех, от кого зависит сегодня финансирование этой большой работы – создания отечественной сырьевой базы алюминиевой промышленности, которую мы растеряли с развалом Советского Союза. Впрочем, если вспомнить, какие мы деньги вкладывали в развитие других стран, в частности, Гвинеи...

Сошкин встрепенулся и, не отрывая взгляда от говорившего, стал продвигаться вперед.

– Строили там не только заводы, рабочие места создавали, а своё лежит вот под ногами, – кивнул седоголовый на заснеженную вечную мерзлоту. – Но когда тяжело, когда сложно, хозяин появляется всегда. Потому сегодня бокситы пойдут на простаивающие уральские заводы. А Север жил, живёт и будет развиваться. Не дай бог, если у кого-то появится червячок сомнения.

Сошкин, подхваченный толпой, влился в фойе старого клуба. Вдруг кто-то по плечу хлопает, оглянулся – главный инженер.

– Пошли, чайком с водочкой погреемся с морозца.

Вошли в кабинет директора клуба, там начальство толпится – не столько вокруг стола, сколько вокруг седоголового. Тот, смачно откусив кусок булки, прищурился:

– Не выдерживают наши мужики ваших темпов работы, серчают. Тут один ко мне подошел, говорит, я вот раньше думал, Стефанов мужик, что надо, а теперь вот задумался, зачем нам бокситы эти, вы что, этим фирмачам месторождение продали? Отвечаю: ничего не продавали, для нас это перспектива развития. – Прожевал и очень серьезно добавил: – Для нас первый вопрос: будет ли глинозёмный завод. Второй вопрос и того острее: а когда будет глинозёмный завод?

И, заметив, как ходят плечи у Сошкина, отвернувшегося к окну, чтобы не заметили его неудержимого веселья, спросил:

– Че смеётесь, дорогой товарищ?

– Да я не чё, – в тон ему ответил Ким Дмитриевич, – вот бы вас хоть какой-нибудь заваливающийся партократ послушал...

– Так я он и есть, только не заваливающийся, а самый что ни на есть махровый...

– Ну, значит, вы перестроились, – криво улыбнулся Сошкин, – потому что все, что вы говорите и делаете, противоречит партийному стереотипу.

Стефанов порывисто поставил стакан с едва не расплескавшимся чаем на стол:

– В партийной системе тоже работали корифеи, имели богатый опыт за плечами. Люди, которые замахиваются на власть, не должны морочить голову шараханьями «великих» реформаторов – от общей приватизации к общей коллективизации и обратно. Кому нужен Госплан с пустым чемоданом? Это не я говорю – экономика говорит. Она играла и будет играть главную роль, эта дама. Как она скажет, так и будет, – и, небрежно нахлобучив шапку на седую голову, добавил: – Это вам говорит старый партократ.

Ким Дмитриевич замер, пожирая Стефанова глазами. Что-то очень знакомое было в том, как тот надевал шапку. Когда дверь за Стефановым и его провожатыми закрылась, Сошкин вдруг со стоном хлопнул себя по лбу:

– М-м-м! Вспомнил!

...Четверть века назад Сошкин, вернувшись из Гвинеи, должен был вскоре лететь во Вьетнам. А пока у него был по-холостяцки неприкаянный отпуск, который он не знал на что потратить, равно как и заработанные в Африке деньги. Выручил случай. Сошкин позвонил своему бывшему однокурснику Шурику Ерохину.

– Ким! – обрадовался тот. – Молоток, что позвонил. У нас Тиманская гряда тянется на тыщу километров, и все бокситы, бокситы!.. Мы на той неделе туда летим, айда с нами!

Сошкин, не раздумывая, схватил рюкзак – и в аэропорт. Шурик у трапа встретил:

– Здорово, что ты сразу выбрался, я уже боялся, что без тебя лететь придется, у нас тут оказия – «вертушка» на гряде уходит. Айда!

Ким, взвалив рюкзак, побежал за Шуриком. В вертолете валом лежали огромные рюкзаки, впритирку друг к другу сидели бородатые парни в хаки. «Геологи», – безошибочно определил «своих» Сошкин. Под медленно раскручивающимся винтом стоял лобастый мужик, сдвинувший на макушку спортивную шапку. Рядом с ним надрывался интеллигент, державший обеими руками готовую слететь с головы шляпу:

– Фёдор Тимофеевич, первому ваша поездка не нравится! Некорректно, что заводделом горкома летит в чужой район!

– Да я с ребятами-геологами на бокситы улетаю, – отмахнулся тот, – а в ваши эти игры не играю!

– О-ох, Фёдор Тимофеевич! – простонал «шляпник».

...Вертолёт, стрекоча как гигантская стрекоза, пошёл на снижение, облюбовав для посадки крошечный пятачок. Растянувшись цепочкой, быстро покидали рюкзаки и махнули летчикам: мол, не забудьте назад забрать. Разбили лагерь и не утерпели, хоть время за полдень перевалило, всё-таки пошли на промысел.

– Что мы тут понаоткрывали! – с гордостью говорят. – Пока Родина от тебя глинозём из Гвинеи получала, мы тут на богатейшее месторождение набрели. Крупнейшее в мире, честное слово!

Ким в ответ только вздохнул, хотя в глубине души всё-таки слегка обиделся: друзья называется, по самому больному месту бьют. В лагерь вернулись, когда уже смеркаться начало. На скорую руку чаёк согрели, вяленую оленину ломтями порезали. Разговор метался, как пламя на ветру, но всё равно возвращался к бокситам.

– Ещё Великая отечественная не закончилась, а в Северном отделении академии наук доказывали перспективность бокситов Тимана.

– Потому что думали о государственной безопасности, независимости своей Родины побольше, чем те, кто Сошкина в Гвинею посылал.

Кима словно прорвало:

– Да что ж вы меня все Африкой попрекаете! Думаете, я не знаю, что в нашем Отечестве месторождения и открыли давно, и защитили? Да я диссертацию об этом написал, а мне говорят: молодец, вали в Гвинею. Туда не только такие, как я, поехали, туда ещё и миллиарды долларов пошли.

– Да ладно, мужики, глотки драть, – подал голос высоколобый, которого все Тимофеичем звали, хотя вроде бы по возрасту он не старше других был. – Ясное дело, у себя добывать надо. И он (энергичный кивок в сторону Сошкина) не хуже нас это знает. Ничего, настанет время, будет и у нас зарождаться горнорудная промышленность!.. Пойдут ещё наши бокситы прямо с рудника – да на наш глинозёмный завод. Весь вопрос – когда?

2. 1491—1649

По греческим хронологам, на исходе была седьмая тысяча лет от сотворения мира: в народе суеверно ждали конца света. А в это самое время вся земля зырянская покори-лась Москве, которая прислонилась к Каменному поясу¹⁶, получив благодаря этому немалую выгоду, о чём и дерзали век назад Великий князь московский Димитрий Донской и святитель Стефан Пермский. В семь тысяч девятом году¹⁷ от сотворения мира в окрестности Печоры прибыла необычная для этих мест экспедиция. Проныры-мальчишки с любопытством глазели из-за ёлок, как два москаля вместе с иноземцами промышляют в верховьях реки Цильмы, весь берег изрыли, жилки какие-то в камне высматривают, в ступе поскрёбыши эти толкут, а потом радуются чему-то несказанно...

Самый младший пацан, непоседа Алешка Пермьяк, потомственный житель полнощного края, побежал обо всем этом сказать главному из слободчиков – Ивашке Ластке. Тому не до баловства было. Усть-Цилемскую слободу опять половодье едва не слизнуло с оттаявшей земли, разметав по брёвнышку ближние к реке избы. Сейчас перебирались на правый берег Печоры, вылавливали из воды не успевший затонуть скарб. Ластка хотел было уж прикрикнуть на Алешку, чтоб не приставал, но поскреб в затылке:

– А любопытно бы узнать, что ж иноземцам в нашем глухом краю надо, и не ждать ли от них какой-нибудь беды, – засадил топор поглубже в бревно, а потом передумал, с собой решил прихватить: – Кто их знает, а вдруг что-нибудь худое помышляют?

Жене, чтобы не тревожить понапрасну, сказал небрежно:

– Пойду добычу проверю, вверх устья Цильмы пройду немного. К заходу солнца назад должен быть, поняла?

Кликнул мальчика, чтоб дорогу показывал. Алёшка, как медвежонок, ломился напрямик. Ивашка Ластка, храня достоинство, огибал буреломы, на ходу заглядывал в силки и капканы. Богатая добыча радовала глаз... От реки потянуло дымком костра. Ластка велел мальчонке спрятаться в ельнике. А сам вразвалочку, будто бы гуляючи, пошел к бивуаку. Над костром колдовали двое. Вареву булькало и плескалось в огонь, а мужики, обжигая пальцы, безуспешно пытались снять котелок с рогулины.

– Бог в помощь! – гаркнул Ивашка, зайдя со спины. Не выказывая удовольствия, с серьезным вниманием наблюдал, как пришельцы подпрыгнули от неожиданности. Котелок едва не перекувырнулся, костёр ещё пуше зашипел, заклубился дымом.

– Что ж это вы, – укоризненно сказал Ластка, – так с пустым брюхом останетесь.

Поплевал на ладони, снял с костра кипящую похлебку, не спеша поставил на камень. Пусть знают, кто здесь хозяин. Вдруг – кто-то за спиной как засопит... Оглянулся – Алёшка уже тут как тут, не усидел в дозоре, оголец. Помолчали. Один из чужаков потянулся к перемётной сумке. Ластка, не сводя с него глаз, лениво потянулся к топору за поясом. Чужак широко улыбнулся и достал ...ложки. Одну из них протянул мальцу, другую – Ивашке. Ластка, как и все в слободе, чужой посудой не пользовался. Всегда при себе имел и плошку, и ложку, потому степенно отказался. У Алёшки рука сама потянулась, больно уж ложка чудная: маленькая, тяжелая, прохладная на ощупь, серовато-белого цвета. Пальчики, привыкшие к легкой, но большой деревянной ложке, никак не могли приноровиться. Она, словно ящерка, выскользнула из детской ладошки, гулко стукнувшись об камень. Наклонился, чтобы скрыть смущение, и пробурчал себе под нос:

– Что за вычура?

¹⁶ Уральский хребет.

¹⁷ 1491 год от Рождества Христова.

Чужак закашлялся от смеха, подсел к мальцу.

– Верно, непростая ложечка... Видишь эту гору? – Мужик кивнул на отвесную стену у реки. – А жилки на ней примечал? Это и есть серебро. Из него цари монеты льют, а мы с тобой похлебку хлебать будем. Чем мы с тобой не цари? А хочешь я тебе медную руду покажу?

Второй чужак словно и не слышал своего товарища. Ссутулившись, молча зачерпывал варево и отправлял в рот, подставив под ложку кусочек сухаря, чтобы не капало. Алёша попробовал тоже хлебнуть, но ложка, враз нагревшаяся, ожгла губы. Дёрнулся, горячее пролилось на рубашку. Малец осерчал и встал, бросив новинку. А смешливый даже и не взглянул, тискал в руках что-то вязкое, красновато-желтого цвета.

– Видишь, это медь. Ты теперь понимаешь, какие вы тут все богачи? На серебре, на меди сидите!

– Василь, – Алёшка аж вздрогнул от неожиданности, когда сутулый подал голос, – не дури голову, дай людям поесть! Вон пацан уже ложку бросил...

Смешливый наконец оторвал взгляд от своих находок и расхохотался, увидев рассерженное Алёшкино лицо. Ластка степенно достал из-за пояса свою деревянную ложку и не спеша зачерпнул похлёбку. Дал маленько остыть на ветру и с шумом втянул в себя – наваристый супец приятно согрел нутро. Ивашка снисходительно посмотрел на смешливого:

– А на что мне эти ваши причуды? Баловство одно! Что проку от такого богатства? Вы сюда лучше гляньте!

Ластка наклонился к охотничьей сумке и, торжествуя, достал зверьков, добытых из капканов. Хозяйской рукой взял тушки за загривки, все четыре разом. Встряхнул – засеребрился мех, заиграл каждой шерстинкой.

– Вот оно богатство! А вы тут гору скребёте. Камень – он и есть камень. Не согреет, не накормит. Разве что ложка эта ваша греется, так из нее хлебать дитёнок и тот не стал.

Теперь уже смеялся и сутулый. Ещё больше сторбившись, он тихонечко взвизгивал, уткнувшись в острые коленки.

– Понимаешь, – сказал он, – все богатства меряются монетой. И твои соболя тоже.

– А, знаю, куны. А на что они мне в тайге?

– Куны – кожаные деньги. Они дальше Новгорода не ценятся. А в других краях серебряная денежка в ходу. Государь Всея Руси Иоанн Васильевич иноземную монету, какая гнутая да ломанная, на твои меха выменивает. После на монетном дворе из этого лома нашу монету льют, потому как государь без нее и не государь вовсе. Смекаешь, какая московскому царю радость будет, когда он про сие открытие узнает, что на речке Цильме и серебро, и медь имеются?

– Ты мне голову не морочь, – осерчал Ивашка, – как ты собираешься камень в лепешку расплющить, чтобы из него монета получилась?

Смешливый снова засмеялся, а сутулый его оборвал:

– Чего зря зубы сушить, дело мужик говорит, – и, уже повернувшись к Ивашке, добавил со вздохом: «Твоя правда, медь, серебро мы нашли, да что серебро – золото и то попадаетеся тут, а руду мы чистить не умеем. Потому с нами немцы-басурманы приехали. Эх!..»

Не договорил и сплюнул. Латка, толком не уразумев, о чём речь, душой почувал тоску и обиду сутулого – Ивашке и самому не по нраву, когда по его тайге чужие следят. Тот, встретившись с Ивашкиным взглядом, улыбнулся грустно:

– Ничего, кто в трудностях живёт, тот быстрее умнеть обязан. Вот с докладом в Москву съездим, а там и назад, на Цильму воротимся.

– Так, – недобро крякнул Латка. – Москали, значит? Ох, нас ваши порядки и в Новгороде допекли, мы с насиженного места снялись и в полнощный край уехали. А вот у него, – Латка кивнул на Алёшку, – прадед аж сто лет назад от Москвы потерпел как стригольник, его сам Стефан Пермский в своих санях сюда привез. Это что ж, опять до нас Москва сунется? Что ж мне завтра с семьей из слободы дёру давать?

– Да ты не горячись, – улыбнулся сутулый. – Раньше чем к будущему лету мы сюда не поспеем – три с половиной тысячи верст в одну сторону, месяцев за семь такой путь справим, передохнём маленько и обратно. Рудник здесь обустроим, у иноземных горных мастеров, искусных в отделении серебра и золота от земли и камня, подучимся и разбогатеем всей державой, – к Алешке повернулся. – А ты, малец, ложку на память возьми, ладно?

...Иоанн III, государь Всея Руси, был не в духе. Тягостные воспоминания о предутреннем сне теснили грудь. Сновидение пришло, когда предрассветная мгла рассеивалась и в окно сочился молочно-белесый свет. Иоанн Васильевич, наполовину пробудившись, качался в зыбких волнах дрёмы, чувствуя на себе печальный взгляд своей первой жены, умершей двадцать лет тому назад. Она лежала на пуховой перине, подперев голову рукой, и не сводила заплаканных глаз с Иоанна Васильевича.

– Что тебе? – и во сне знал, что разговаривает с мертвой.

Она словно не слышала его. Напряженно смотрела на узорчатую решетку ворот. Сзади неслышно подсел к матери на краешек перины сын Иоанн Иоаннович... Перина колыхнулась, и то, что сдавалось пухом, оказалось снежинками. Они кружились, плавно опускаясь на бледный лоб, бескровные губы молодого князя, замирали там и не таяли. Сын и мать смотрели невидящими глазами сквозь изнемогшего в скорби государя, словно поджидая кого-то... И в этой могильной тишине вдруг явственно раздался топот детских ног. Быстрее, еще быстрее... Совсем рядом. Здесь!

Великий князь, цепenea от ужаса, на слух узнал эти торопливые шажки – так мог бежать только внук, Димитрий Иоаннович. Расставил руки, чтобы подхватить дитя. Не тут-то было. Малыш уклонился от объятий, испуганно побежал дальше. «Куда он? – мучительно размышлял во сне государь. – Почему он всё время озирается назад? Почему у меня самого так странно холодеет спина и бегут мурашки по затылку? Надо оборотиться...» Но шея не слушалась его. «Мне надо оглянуться, надо!» – умолял он кого-то неизвестного, от чьей воли теперь зависело всё... Голова, огромная и тяжёлая, не поворачивалась. Тогда он скосил глаза, как испуганная лошадь, и самым краешком увидел тех, на кого смотрел внук.

«Мои придворные? – удивился он. – Но почему же Димитрий бежит от них? Да как они смеют!» В это мгновение государь почти вынырнул из дрёмы и, словно со стороны, приказал себе – тому, каким он был сейчас в этом странном полусне – вернуться в сновидение с судорожным желанием: «Надо запомнить лица...». Но они ускользали от его взора, мерцали, гасли, вспыхивали вновь и вдруг начали расплываться, приближаясь. «Так близко? – почему-то пугаясь подумал государь. – Но как же различить их лица?..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.